

**Коннотация устойчивых словесных комплексов
английского языка**

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Коннотация как категория	
1.1. Стилистическая коннотация УСК в словарном толковании.....	9
1.2. Стилистико – коннотативная оценочность УСК в словаре.....	16
Выводы по 1-ой главе.....	23
Глава 2. Словарный анализ коннотации устойчивых словесных комплексов [УСК = ФЕ]	
2.1. Словарно-прагматическое толкование стилистической коннотации УСК.....	25
2.2. Стилистическая коннотация УСК разговорной речи в словарном толковании.....	35
Выводы по 2-ой главе.....	49
Глава 3. Текстовый анализ УСК	
3.1. Коннотативная значимость УСК в тексте.....	53
3.2. Сопоставление УСК по текстовой и словарной коннотации.....	60
Выводы по 3-ей главе.....	69
Заключение	72
Список использованной литературы	77

Введение

Проблема стилистико-коннотативной экспрессивности как языкового явления всегда находилась в центре внимания многих лингвистов, так как она связана с выражением субъективного отношения говорящего к предмету речи. Однако явление экспрессивности настолько многогранно, что тема не может быть исчерпана уже существующими исследовательскими работами и требует дальнейшей обработки [15; 18; 19; 24].

Актуальность работы обусловлена наличием в лингвистике [начиная со второй половины двадцатого века и по сегодняшний день] интереса к эмоциональной сфере личности, к проблеме воздействующей силы слова, к возможности изучения личностных качеств человека по его речевой деятельности [12; 31].

Специалисты в области фразеологии и лингвистики текста выделяют различные его планы: оценочный, метафорический, эмотивный, экспрессивный и другие. Многие из этих аспектов недостаточно изучены, в том числе экспрессивный [стилистика - коннотативный] – один из важнейших планов текста и словаря, являющиеся производным от его коммуникативной природы. Постановка и решение проблемы связанной с исследованием различных видов экспрессивности текста и словаря приобретает особую значимость, что во многом определяет актуальность данного исследования.

Актуальность темы обусловлена еще и тем, что в современной науке текст и словарь как носитель информации признается в различных его видах мощным инструментом воздействия на сознание человека. Исследование способов такого воздействия, заложенных на глубинном уровне, представляет интерес для исследователей различных гуманитарных областей.

Объектом данного коннотативного исследования являются устойчивые словесные комплексы [УСК] [=фразеологические единицы [ФЕ] различной идиоматичности].

Предметом нашего исследования выступают средства, которые применяются для создания языковой и речевой стилистики – коннотативной экспрессивности в современном английском языке.

Практическим языковым материалом являются англоязычные словари.

Из данных словарей методом сплошной выборки были извлечены средства выражения стилистики – коннотативной экспрессивности. Всего рассмотрено порядка 200 УСК и случаи употребления их экспрессивных средств, в стилистико – коннотативной функции.

Цель работы – выявить средства, которые применяются для создания языковой стилистико-коннотативной экспрессивности в современном английском языке, при употреблении УСК.

Методологической базой данного исследования послужили идеи и концепции, изложенные в работах лингвистов разных школ. В их список включены труды, ставшие уже классикой (И.В. Арнольд и др.), а также работы последнего времени [6-8; 14; 17; 26; 31; 345].

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты дополняют исследования УСК в аспекте общей проблемы экспрессивности. На основе сопоставительного анализа демонстрируются особенности использования средств выражения экспрессивности в зависимости от типа словаря.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что в ходе работы нам удалось получить выборку средств выражения экспрессивности, которые используются в произведениях, принадлежащих к различным жанрам литературы и типам словарей.

Гипотеза исследования: выбор средств выражения стилистико – коннотативной экспрессивности зависит от словарного типа.

В качестве **методов** исследования используются наблюдение, описание, метод сопоставительного анализа, а также методы качественного и количественного анализа текста и словарного комментирования.

Степень изучения проблемы. Категория экспрессивности имеет в языке длительную традицию. В теоритических исследованиях УСК со времен античности фигурирует понятие “экспрессия”, которая обозначает в переводе с латинского (*expressio*) “выражение”. Понятие “выразительность” означает особо выделенный способ выражения мыслей и чувств и зачастую отождествляется с понятием “экспрессивность”. Точный перевод самого слова “экспрессия” – “выражение” вызывает мысль об экспрессивности языковых средств как их выразительных возможностях, т.е. специально стилистико-коннотативном приеме [8, с. 17].

За последующее время в исследовательских работах слова “экспрессивность”, “экспрессия” и “экспрессивный” нашли широкое применение [27, с. 59; 29, с. 17].

В основе явления экспрессивности лежат несколько групп психологических закономерностей, касающихся, с одной стороны, выражения эмоций и чувств, а с другой – восприятия (сюда относятся, прежде всего, противопоставления фигуры и фона, как одного из главных условий восприятия). Лингвистическим механизмом экспрессивности является, главным образом, отклонение от стереотипов в использовании языковых единиц различных уровней.

На возникновение экспрессивности как характеристики речи или текста влияют свойства коммуникативной ситуации: намерения говорящего/пишущего, презумпции читателя/слушателя (т.е. исходные знания и представления, с которыми он вступает в коммуникацию), а также лингвистический и экстралингвистический (социальный) контекст коммуникативного акта.

Стилистико-коннотативная экспрессивность есть результат реализации различных добавочных оттенков значения [6, с.12]. В связи с этим целесообразно охарактеризовать явления стилистико-коннотативной экспрессивности как особую лингвистическую категорию. Она является результатом актуализации в значении языковой единицы [слова,

фразеологической единицы (ФЕ)] - сем [т.е. наименьших значимых частей слова, ФЕ] оценочности, образности, эмотивности, функционально-стилистической окрашенности, измеримую по средствам категории интенсивности и всегда предполагающую особую выразительность, обусловленную стремлением говорящего выразить свое субъективное отношение относительно факта или явления или создать в сознании реципиента определенный образ.

Термин “экспрессивность” как компонент значения в узком понимании целесообразно конкретизировать как “усилительная экспрессивность”. Об этом можно утверждать на том основании, что он связан лишь с усилением, интенсификацией, которая в зависимости от сочетания с другими компонентами может приводить, но может не приводить к экспрессивности [9, с. 92-93].

И.В. Арнольд дает следующее определение экспрессивности. Экспрессивность - совокупность семантико-стилистических признаков единиц текста, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к адресату или содержанию речи [6, с.10].

Цель исследования. Разрабатывается в словарно-текстовом аспекте стилистико-коннотативная экспрессивность с учетом ее связи с категориями интенсивности, эмоциональности, оценочности и образности:

1) экспрессивность – “свойство слова”, “функция слова”, “экспрессивный эффект”, “выделенность”, необычность слова, а значит, в отличие от оценочности, эмоциональности, интенсивности и образности, относится не к области языкового выражения, а к области прагматики, воздействующей силы высказывания;

2) стимулом экспрессивности выступает совокупность таких выражений в языке компонентов значения, как оценочность, эмоциональность, интенсивность и образность;

3) оценочная и эмоциональная функция присущи языковым единицам с соответствующими значениями, а экспрессивная функция выступает как ответная реакция на первые две в ситуации речевой деятельности;

4) экспрессивность обладает односторонней направленностью, представляя реакцию адресата.

Единицы языка УСК подразделяются на системно-языковые носители экспрессивности и системно-нейтральные единицы (т.е. слова и выражения, которые сами по себе не являются носителями экспрессивности, но могут брать на себя эту функцию при определенных условиях).

Новизна исследования. В зависимости от характера используемых в коммуникативном акте языковых единиц УСК и характеристик коммуникативной ситуации выделяются 4 типа реализации стилистико-коннотативной экспрессивности:

1. системно-языковые носители экспрессивности употребляются в экспрессивном контексте. В данном случае реализуется внутрисистемная (или интегральная, словарная, парадигматическая, фондовая) экспрессивность;

2. системно – нейтральные единицы приобретают свойство экспрессивности в экспрессивном контексте. В данном случае реализуется контекстуальная (или адгерентная, синтагматическая, приобретенная) экспрессивность;

3. системно-нейтральные единицы употребляются в нейтральном контексте. В данном случае реализуется нулевая экспрессивность.

Границы между перечисленными случаями не являются жесткими. Так, многократное использование системно-нейтральных единиц в экспрессивном контексте может приводить к тому, что они становятся системно-экспрессивными.

Рассматривая экспрессивность, важно выяснить её задачу. Общей задачей экспрессивности является выражение или стимуляция субъективного отношения к сказанному. Со стороны говорящего/пишущего это – усиление.

Выделение, акцентирование высказывания, отступления от речевого стандарта, нормы. А также выражение чувств, эмоций и настроений, наделение высказывания эмоциональной силой, оценивание, достижение образности и создание эстетического эффекта. Со стороны читателя/слушателя это – удержание и усиление внимания, повышение рефлексии, возникновение эмоций и чувств [21, с.78].

Структура работы. Данное исследование состоит из Введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Глава 1

Коннотация как категория

1.1. Стилистическая коннотация УСК в словарном толковании

Традиционно из УСК [фразеоформы ФЕ] подвергаются выпадению отдельные составные компоненты (например, местоимение и т.д.), ср.: “Sod (it)!, damn (it)”. Подобная экономия в составе отдельных ФЕ приводит по данным толковых словарей к сжатию исходной фразеоформы вплоть до до основного остатка, репрезентирующего в контексте употребления всей ФЕ в целом: “Fancy (that)!” [85, с. 272].

Причем толковый словарь может специально квалифицировать эллиптируемую фразеоформу ФЕ именно как разговорную: “How-dy (how do you do)? (colloq.)”[85, с.363]; “Heads up! (colloq.), look out! Be careful!”[85, с.344].

Фиксируются в толковом словаре и случаи эллиптируемого сжатия отдельных компонентов ФЕ. Это является отражением сильных имплицитных тенденций, характерных для живой разговорной речи, и её единиц, включая и фразеологические.

Эллиптированные трансформации широко фиксируются толковыми словарями английского языка, ср.: You’re telling me! (Хорнби 1984, с.385).

Важной характеристикой стабильности фразеоформ многих ФЕ является статус факультативности их различных компонентов. Они фиксируются словарем в скобках: “Go on (with you)!” [79, p.370].

Словарная дефиниция является лишь частью словарной статьи. После же раскрытия значения ФЕ словарь [80;81] иллюстрирует их употребление в речи одним или несколькими примерами. Так, ФЕ *a back number* – “отсталый человек” иллюстрируется следующим довольно широким контекстом: “He has once a powerful leader, but no one pays attention to him now, he’s scarcely a back number”.

Субстантивные ФЕ сочинительной структуры трактуются по разному: *cake and ale* – “pleasant activity, fun”; *the butcher, the baker, the candle stick* –

maker – “everybody and anybody”; *meet and drink* – “smth, from which a person gains much enjoyment and mental encouragement”.

Дефиниции первых двух ФЕ характеризуются простотой семантического толкования, в то время как последняя дефиниция, будучи описательной, довольно перегружена своей информативностью.

Описательный тип дефиниции является наиболее распространенным. Он либо обобщенно представляет ситуацию, в которой может употребляться ФЕ, либо содержит семантическую характеристику. Форма словарной дефиниции в словаре [Random] в основном выражается простым сочетанием слов или имеет более сложную структуру, если в ней имеется придаточная определительная конструкция с *that* или *which*, наиболее частотная в развернутых описательных дефинициях, например: *make history* – to do smth, that will be remembered in the future; *hit or miss* – a situation in which there are equal chances of either success or failure.

В большинстве случаев словарная дефиниция ФЕ отражает лишь сигнификативный аспект значения УСК/ФЕ, т.е. эксплицирует тот объем семантической информации, который определяет её предметно-логическое содержание. Что касается широкого диапазона эмоциональных, эмоционально-оценочных и экспрессивных оттенков, являющихся неотъемлемой частью значения ФЕ и её стилистической характеристики, то они, как правило, остаются невыраженными в словарной дефиниции и семантизируются косвенно, т.е. с помощью специальных помет, объяснений, иллюстративных примеров.

Переводчику особое внимание здесь необходимо уделить словарю Лонгмэна (1989). В нем словарная статья любой ФЕ начинается со стилистической характеристики. Выделяются 4 типа помет: *formal (fml)*, *not formal (not fml)*, *colloquial (coll)*, *slang (sl)*, *formal* – официальный стиль, *not formal* – разговорный, *slang* – сленг, или выражение, употребляемое в речи определенных социальных и возрастных групп.

Кроме указанных 4-х типов помет есть и такие, которые указывают на сферу употребления: устаревшая, литературная, юмористическая, эвфемизм, табу, возвышенная и т.д. Стилистико-контекстуальное использование ФЕ подтверждается иллюстративным материалом, присутствующим в каждой словарной статье фразеологического словаря (словари 79; 81; 83; 85). Обычно это несложные по структуре отрезки речи, дающие дополнительную информацию к семантике ФЕ и её стилистической специфичности, что важно использовать в практике перевода.

Интерес с позиций стилистики представляет и такая особенность словаря *Random House Dictionary* (38): наряду с примерами, создающими самим составителем словаря, имеется и материал, подобранный из художественной литературы и публицистических изданий.

Приведём полностью словарную статью одной ФЕ: *mind one's business* – to carry on one's own affairs and not become concerned with these of other people: «We're no different in this building than anywhere else in the city – we mind our business» (86, с.74) // Why don't go mind your own business. What is it to you whether I choose to marry Mangoh or not. Указанные здесь два примера, взятые из различных источников, являются контекстом семантико-стилистического употребления данной ФЕ в речевом контексте.

Этимологические характеристики ФЕ в словаре Лонгмэна представлены в незначительной степени, например: from the Bible. Чаше автор дает сноску, свидетельствующую о сфере употребления данной ФЕ, что также создает дополнительную стилистико-контекстуальную информацию к дефиниции ФЕ.

Таким образом, толковательная дефиниция в словаре Лонгмэна является, в основном, описательной. Все сведения, содержащиеся в словарной статье, способствуют раскрытию смысловой структуры ФЕ, а иллюстративный материал выполняет функцию стилистико-контекстуального использования.

Стилистические сведения о лексических и фразеологических единицах подлежат в соответствующем объеме отражению в словарях толковых, фразеологических, синонимических, функциональных, прагматических и др. [8, с.27].

Словарь (независимо от типа) рассматривает стилистическое значение фразеологии, в первую очередь, с точки зрения её отнесенности к конкретному стилю языка: литературно-нормированному, разговорному, просторечному, высокому и др. Причём уже установилось правило, согласно которому стилистически нейтральные ФЕ (т.е. принадлежащие к литературно-нормированному стилю языка) подаются в лексикографии и фразеографии без каких-либо стилистических помет. Это же можно сказать и о большинстве разговорных ФЕ, что вполне справедливо, ибо фразеология в своей основной массе есть порождение разговорной речи.

Чаще всего показывается стилистическая специфичность таких ФЕ, которые употребляются в разговорно-просторечном, профессионально-разговорном, арготическом, высоком, поэтическом и других стилях.

Словари разных типов английского языка отличаются друг от друга по полноте раскрытия стилистических характеристик одних и тех же ФЕ. Например, толковые словари значительное внимание уделяют стилистическим особенностям фразеологии и её соотношению с лексикой. В итоге, здесь часто выделяются те стилистические нюансы, которые привносятся лексикой в состав ФЕ, т.е. в качестве компонентов последних. Далее, широта контекста крупных толковых словарей дает возможность охватить в разных словарных статьях (где встречается одна и та же ФЕ под своими компонентами) более детализированную информацию об ФЕ с показом семантико-стилистических и грамматико-стилистических свойств. К тому же привлечение текстовых данных позволяет проиллюстрировать стилистико-функциональные особенности лексики и фразеологии языка.

При отсутствии научно обоснованной системы экспрессивных, эмоциональных и собственно стилистических помет лексикографические

справочные пособия далеко не всегда правильно интерпретируют значение ФЕ, не полностью раскрывая все их тончайшие экспрессивные и эмоциональные нюансы и стилистическую направленность; во многих случаях искажается даже стилистическая сущность и вся семантика ФЕ (как и слов).

Например, значение презрительной ФЕ *Jim Crow* (Джим Кроу) искажается одним из самых авторитетных лексикографических источников – словарем Вебстера [85, с.117], в котором эта ФЕ объясняется как “a Negro” и не имеет соответствующих помет, дополнительных объяснений и указаний на резко отрицательную эмоциональную оценку, составляющую сущность семантики данной ФЕ.

Этим же словарём, как и другими лучшими словарями Англии и Америки *John Bull* (Джон Буль) – насмешливое прозвище англичан, английской нации – широко употребительное как ироническая кличка, толкуется как “a typical Englishman, the English nation” без указания на её истинное значение. Другими известными словарями: *A Dictionary of Slang and Unconventional English (DSL)*, *A Dictionary of Slang and Colloquial English (DSCE)* эта ФЕ и вовсе не регистрируется.

Точно раскрывают сущность этой ФЕ (толкую ее как “прозвище” или как “насмешливое прозвище” и снабжая соответствующими пометами “ирон.”) лишь отдельные словари, например, АРФС и БАРС. Ср. также: “The national nickname for an Englishman represented as a bluff, kindhearted, bull – headed farmer” (E. Cobham Breher. *A Dictionary of Phrase and Fable*. – London: Cassel and Co, LTD, 1997, p. 47).

Неправомерным является также определение SOD значений ФЕ 1. *feather one's nest* “нагреть руки, набить себе карман, поживиться за чей – либо счёт”; 2. *twiddle one's thumbs* “бездельничать, лодырничать, бить баклуши”, “которые толкуются через нейтральные словосочетания: 1. *enrich oneself* и 2. *have nothing to do*, без раскрытия резко отрицательной эмоциональной оценки, лежащей в основе их смыслового содержания.

Фиксирующими их толковыми словарями они определяются как “a person of importance, note, distinction, an important, influential person” без выделения одного из основных элементов их значения – тонкой насмешки и иронии, выражаемых эмоциональными фразеосемами. Это значение хорошо раскрыто очень удачным переводом в АРФС: “важная персона (особа), крупная фигура, “шишка”, заправила, главарь”.

Следует также отметить, что в словарях и справочниках не раскрывается сложная, семантически ёмкая, многогранная смысловая структура междометных ФЕ.

Во многих случаях подобные ФЕ вовсе не регистрируются не только самыми авторитетными словарями (например, SOD, WNID II), но и известными специальными словарями (например, The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms, Tokyo, 1969). В этом отношении выгодно отличаются АРФС и БАРС. Следует также отметить, что толкование междометных ФЕ “широкого диапазона”, например, *By George! Goodness Gracious! Good Heavens!* (выражающих разные даже полярные, эмоции и чувства: радость и печаль, восторг и отчаяние, восхищение и прозрение, удивление, изумление, досаду, негодование и др.) в английских словарях очень часто не содержат указание на те чувства, которые та или иная междометная ФЕ способна выражать.

Так, междометие *By George!* определяется лучшими словарями [39, 40] Англии как “an exclamation or mild oath”; а такими известными американскими словарями, как *The Random House Dictionary* эта ФЕ не регистрируется. Помещая ФЕ *for goodness*, определяет это существительное в составе ФЕ, а не сами фразеологизмы “the word is used colloquially as exclamation or in various exclamatory phrases, as for goodness sake! Goodness gracious!” (the reference being originally to the goodness of GOD).

Фиксируя употребление прилагательного *gracious* в составе ФЕ, именуются «восклицательными фразами», лексикограф констатирует этот факт, но не раскрывает значение междометий: «4. in exclamatory phrase;

Gracious (orig. Gracious God!), Gracious me!, Gracious Heaven!, Good Gracious!».

В лексикографических источниках встречаются разные толкования одних и тех же междометных ФЕ. Так, толкуется *exclamation, expressing surprise or pity*», словарь WNID – как «*expression of surprise*» не фиксирует этой ФЕ.

В словарях часто наблюдается разница и в стилистической квалификации ФЕ. Так, словарь WNID квалифицирует ФЕ *Jim Crow* как сленг (*sl.*), т.е. по функционально-стилистическому признаку. В них стилистические пометы отсутствуют. Отрицательная эмоциональность этой ФЕ раскрывается толкованием её значения. В двуязычных словарях эта ФЕ снабжена эмоциональными пометами: презр. (АРФС) – по выражаемой эмоции и бран. (БАРС) – эмоционально – коммуникативной, прагматической функции.

Неполное раскрытие всей широты смыслового и семантико – функционального содержание междометных ФЕ, а также адекватная интерпретация экспрессивной, эмоциональной, функционально – стилистически ограниченной фразеологии (как и лексики), наблюдаемые в лексико- и фразеографической практике, - следствие совершенно недостаточной изученности проблемы семантики слов и ФЕ в целом и, в частности, её стилистического аспекта, представляющего собой основную проблему лингвостилистики.

Совершенно справедливо то, что словарь практически проверяет выдвинутые фразеологические теории. При всех отмеченных недостатках, информация, данная в словаре, является важным источником раскрытия смыслового своеобразия ФЕ. На основе статистического анализа в настоящем исследовании было выявлено 2103 стилистически – маркированных ФЕ в *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. -4th edition. A.S. Hornby, Chief Editor: A. P. Cowie Oxford University Press (1989) – 1579 p. (Published with corrections in 1993). При этом выявлено 15

видов стилистических помет: arch. (archaism), catchphrase, commerce dated, derog. (derogative), euph. (euphemism), fml. (formal), infml. (informal), ironic, joc. (jocular), law, nautical, rhet. (rhetorical), saying, sl. (slang).

Всего в современных англоязычных словарях насчитывается 33 вида конкретизированных стилистических помет, что способствует более точной и правильной интерпретации ФЕ.

Однако не следует признавать фразеографическую подачу информации в АРФС совершенно правильной, так как значительное количество стилистически маркированных ФЕ в процессе развития языка утратили свое первоначальное значение. Следовательно, их стилистические пометы не всегда соответствуют действительности. Так, например, ФЕ “a spring chicken” («весенний цыпленок», неопытный человек, желторотый юнец»), отмеченная пометой разг. шутол. в АРФС имеет иную стилистическую интерпретацию, выделяясь пометой жарг. в БАРС, а в англо – русском словаре (Сост.: В.К. Мюллер, 1990, 842 с.) стилистическая маркированность сводится к помете амер.

Другим примером является ФЕ “a dirty dog” (“дрянь подлец”) имеет помету разг. груб., а в словаре В.К. Мюллера вообще не маркируется какой – либо стилистической пометой.

Таких примеров стилистически маркированных ФЕ, имеющих различия в англоязычных словарях, выявлено довольно большое количество (свыше 400 примеров).

1.2. Стилистика – коннотативная оценочность УСК в словаре

Описание, например, фразеографического толкования оценочного аспекта значения ФЕ любого разряда в тексте следует проводить с учётом стилистической маркированности ФЕ. Для этого, скажем, из однозначных фразеологических словарей английского языка (например, Brewer’s Dictionary of Phrase and Fable - 2003 и The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms - 1969) берутся глоссы, где содержатся сведения и о

стилистико-оценочной природе ФЕ, ср: off one's chump - sl. («chump-head») (Brewer's Dictionary of Phrase and Fable - 2003, с. 11; 12). При этом одновременно учитываются корреляции стилистического индикатора ФЕ и прочих её индикаторов, например, семантического и др.

Для двуязычных же лексических словарей также показательна своя фразеостилистическая и оценочная информативность. Так здесь стилистический аспект раскрытия фразеологической системы сводится к нормативной квалификации и стилистико-функциональной дифференциации ФЕ. Последняя означает выделение особых стилистических пластов фразеологии - разговорного, разговорно-просторечного, просторечного (вплоть до грубого), книжного, фольклорного и т.п. При необходимости ФЕ подобных пластов дополняются экспрессивно-модальной окрашенностью со значением ироничности, шутливости, насмешливости и т.д.

Филологические словари всегда служили источником для теоретических обобщений различных языковых явлений, в том числе и стилистико-фразеологических. Для этого используется словарная система специальных помет, многие из которых выступают оценочными маркерами и собственно стилистики фразеологии.

Вместе с тем обращается внимание на незавершенность становления системы стилистических помет в лексикографии и фразеографии, в том числе и английского языка.

Так, в англоязычной лексикографии и фразеографии пометы эмотивной оценки фразеологии разработаны недостаточно. Причём если как-то ещё словари и учитывают эмотивные отрицательные оценки, то вовсе игнорируют оценки положительные. Впрочем, частично подобная ситуация и здесь исправляется. К настоящему времени категория оценочности, соотносимая с эмотивностью, получила уже достаточно подробную словарную кодификацию [10, с.122]. Ср: к примеру, следующую подборку оценочно маркированных помет, зафиксированную современными словарями: «fig., derog., apprec, impol., iron., humor., sl., joc, euph., approv.,

emph., offensive, insulting., abusive., contemot., vulgar., disrespectful, taboo, emotional-intensive, reprobation, contemptuous, playful, low, colloquial, etc. (шутл., ирон., пренебр., презр., вульг. разг.-груб., жарг., вежл., ласк., эмоц.-усил»).

Если же говорить о наибольшей последовательности в использовании системы помет, указывающих на принадлежность ФЕ к подстилям, то сравнительное сопоставление лексикографических и фразеографических источников английского языка позволяет здесь выделить словарь в котором выделяется пометы L - literary, «O - ordinary», F - familiar», а словарь различает также разговорные ФЕ и ФЕ-слэнгизмы. Наиболее широко в большинстве филологических словарей (толковых, фразеологических) распространены ФЕ литературно-разговорные, ставшие языковой нормой. ФЕ этого стилистико-функционального разряда подаются в словарях, как правило, без соответствующих помет, либо с пометой «coll.». Ср. образцы подобных ФЕ: «take the pledge»; «break the ice»; «face the music», «foot (meet) the bill»; «know the ropes»; «do the honors»; «boss (run) the show» и др.

На принадлежность к подстилям иногда указывают развёрнутые пометы типа «pass muster (colloquial or informal written style);» «call a half (rather colloquial but also used in written English of the less formal kind).

Выделяются в особый стилистико-функциональный разряд и ФЕ разговорно-фамильярного стиля. Ср. образцы таких ФЕ: «spin a yarn»; «play possum»; «pop the question» и т.д. ФЕ этого разряда, конечно же, ближе к группе ФЕ-слэнгизмов, которые стоят вне литературной нормы.

ФЕ-слэнгизмы сопровождаются в словаре пометой «sl», ср. их образцы: «shoot the moon»; «pass the buck», «spill the beans» и т.п.

Несколько реже помета «L» указывает на то, что словарь представляет ФЕ литературно-книжные, ср.: их образцы: «desert the colours»; «play the man»; «bury the hatchet (tomahawk)»; «cross (pass) the Rubicon» и др. Книжный характер имеют и терминологические ФЕ типа: «kill the bill», «hold (keep) the ring»; «pass the seals» и др.

Если обратиться к англоязычным фразеологическим словарям типа *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable* (2003) и *The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms* (1969), то в них заключается разнообразная фразеостилистическая информация, которая представляется достаточно унифицированной. Дело в том, что указанные словари более или менее одинакового объёма и имеют практически одинаковый состав заголовочных ФЕ, а также однотипную структуру глоссы, т.е. часть словарной статьи, содержащую дополнительную информацию - пометы, этимологические справки, объяснения реалий, сведения о сочетаемости и др.

Стилистическая маркированность фразеологии раскрывается в указанных словарях, прежде всего через ремарки.

Кроме специальных ремарок, посредством которых квалифицируется стилистическая природа конкретной ФЕ в целом, толковые фразеологические словари английского языка практикуют выделение у той или иной ФЕ стилистически маркированного компонента. В таких случаях именно этот компонент и определяет стилистическую соотнесённость подобной ФЕ. Например, таким образом даётся описание стилистического параметра ФЕ «(be)» *off one's onion* «рехнуться», «спянуть» (в жаргоне) в следующем случае: *sl. «onion-head»* (т.е. «голова»).

Наибольшая же оптимальность толкования в глоссе стилистической природы ФЕ достигается при подключении ещё и объяснения (в виде дефиниции) стилистически маркированного компонента ФЕ.

Однако англоязычные фразеологические словари не ограничиваются лишь указанием на общую стилистическую характеристику фразеологии. Они используют весьма дифференцированный набор стилистически ориентируемых помет. Это:

1) пометы, указывающие на принадлежность ФЕ к определённому пласту словарного состава - *bookish, colloquial* и т.п.;

2) пометы, указывающие на стилистическое созначение ФЕ - *ironical, jocular* и т.п.;

3) прагматические пометы, указывающие на ситуацию общения, в которой данная ФЕ может быть использована - formal, informal.

Фразеостилистика характеризуется прежде всего такими двумя направлениями, которые занимаются 1) изучением функционально-стилистических разновидностей ФЕ и 2) разработкой стилистических приёмов использования ФЕ.

Функционально-стилистические разновидности фразеологических единиц английского языка словарно представляются по отдельным стилистическим пластам:

1) книжные ФЕ, сфера употребления которых распространяется преимущественно или исключительно в письменной речи; для них специфична «повышенная» экспрессивно-стилистическая окраска (книжность, торжественность, патетичность, поэтичность и т.п.),

2) разговорные ФЕ, которые характерны для устной речи; им показательна некоторая непринужденность выражения, ср. «kick the bucket» («загнуться», «умереть», «протянуть ноги»); разговорные ФЕ отличаются от межстилевых ФЕ, с одной стороны, более узкой сферой употребления, а с другой стороны, своей специфической «сниженной» экспрессивно-стилистической окраской, ср. «do the whole hog» («делать что – либо основательно» «доводить до конца» «не останавливаться на полумерах»); «get smb's goat», «get smb's monkey up» («разозлить» «рассердить кого – либо»); «cook smb's goose» («погубить кого-либо»)

3) просторечные ФЕ находятся на периферии литературного языка и восходят по своему происхождению (а также и распространению) к пласту просторечия; их отличительным свойством является грубоватое снижение формы выражения, и обычно они в устной речи, ср. в английском языке: «tu foot» («чёрта с два!», «черта лысого!»); «pull devil», «pull baker!» («валяй, поднажми!» «а ну ещё!»); «put that in your pipe and smoke it!» («Зарубите это себе на носу!» «запомните это раз и навсегда»); draw it mild!» («не преувеличивайте!») и т.п. Просторечные ФЕ переходят ниже по шкале в

разряд вульгаризмов, ср.: «cut the sackle!» («заткнись!»), «хватит трепаться!»); «damn your eyes!» («черт бы вас побрал!») и т.п.;

4) общенародная фразеология, охватывающая известные большинству говорящих на данном языке устойчивые словесные комплексы, причём вне зависимости от того, владеют ли они, в целом, нормой литературного языка или же являются носителями диалектов или «полудиалектов»;

5) фольклорные ФЕ, употребляемые, как правило, в произведениях фольклорных жанров, ср. ФЕ: «Father Time» («дедушка-время»); «Jack Frost» («Мороз Красный нос»); «mother earth» («мать сыра-земля»); «Fortunate's purse» («неистошимый кошелёк») и др.;

6) профессиональная фразеология, под которой понимаются устойчивые словесные комплексы, отражающие прежние приёмы труда, да и стилистически сниженная фразеология отражает профессиональную тематику. Ср. англ. ФЕ из спортивного языка: «come up to the scratch» («подойти к стартовой черте»); «hit below the belt» («ударить ниже пояса»); «jump the gun» («преждевременно стартовать» (до выстрела из спортивного пистолета); или же это такие ФЕ из других профессиональных языков; охотников - «bark up the wrong tree» («лаять на дерево, на котором нет дичи»), т.е. «попасть на ложной след», «ошибиться» «обратиться не по адресу»; моряков - «sail before the wind» («плыть по ветру, с попутным ветром»);

Ниже следует пласт жаргонной фразеологии, распространяемой обычно в устном общении «отдельной социальной группы», с целью языкового обособления, отделения от остальной части данной языковой общности, иногда в криптологических целях, ср. образцы англ. фразеологических жаргонизмов: «kick the bucket» («умереть», «загнуться»); и др.

Жаргонные ФЕ (как, впрочем, и ФЕ других стилистико-функциональных пластов) обладают устойчивой тенденцией проникать в

другие пласты и в общенародный фонд языка, привнося туда свою особую оценочность.

Ср. подобные фразеологические факты в английском языке: «take a dead set at smb.» - Е «нападать, набрасываться на кого-либо», 2. «критиковать, высмеивать, травить кого-либо», 3. «завлекать кого-либо», «ловить жениха», «вешаться на шею кому-либо») - происходит из полицейского жаргона.

Интерес в этом плане представляет просторечная фразеология английского языка в словарной интерпретации.

Так, активную деривацию в просторечной фразеологии современного английского языка проявляют такие ФЕ, которые строят свою образную основу посредством обыгрывания семантики соматизмов. Это приводит к существенным изменениям исходных значений соматизмов в составе внутреннего контекста просторечных ФЕ. По сути дела, налицо реализация вторичной номинации лексических компонентов при образопостроении ФЕ. Например, в ФЕ *slang chin music* («to talk, esp. to boast») слово *chin* имеет просторечное значение «a talk».

По данным словарей, ФЕ выполняют в языке не только номинативную функцию, но и дают соответствующую характеристику уже названного ранее явления или понятия [36, с.97]. Ср. *finger mob* («a gang of criminals working under police protection») (т.е. «банда преступников, работающая под прикрытием полиции») при просторечном значении соматизма *finger* («a police informer»); *to sling chin music* («a talk»), (в значении «бессмысленная беседа») просторечное значение соматизма *chin* - «a talk». Итак, просторечное значение соматизмов - компонентов ФЕ современного английского сленга - реализуется в новом, контекстуально обусловленном значении. Ср.: ещё: *arm* («рука») в сочетании со словом *strong* порождает ФЕ *strong arm* («violent»). Следовательно, здесь можно говорить о наличии связанного значения просторечно актуализируемого соматизма. Причём это значение наглядно формируется в плане развития косвенной номинации.

Выводы по 1-ой главе

Новое содержание УСК опирается на сигнификативное содержание опорного компонента - соматизма, выступающего в качестве реализатора внутренней формы производного от фразеологического значения. Так, внутренняя форма (т.е. мотивированность) ФЕ blubber and guts («obesity») строится на основе просторечно использованного слова gut («the stomach») для выражения значения «полноты». При этом словари констатируют следующее: признаки, не соотносимые с вновь возникшим значением, либо семантически погашаются, либо переходят в разряд коннотативных, образуя ранее не существовавшее понятие.

Наблюдения над английской сленговой лексикографией позволяют обобщить семантические процессы, лежащие в деривационных актах пласта ФЕ с соматическим стержнем. Они обуславливаются возможностями номинативного контекста, степенью активности взаимодействия исходного наименования и переосмысляемого слова, характером семантического отбора при оценочно маркированном фразеобразовании и т.д. При этом словарно представляются номинативные контексты, основой которых выступают связанные значения слов с предметно-ориентируемой семантикой или с семантикой реляционно-аналитического типа.

Как показывают словари английского языка, структуру стилистического значения ФЕ составляют: функционально-стилистический компонент (принадлежность ФЕ к определённой коммуникативной области, ситуации, экспрессивно-стилистический компонент (вид и степень экспрессивности) и нормативно-стилистический компонент (отношение к нейтральной литературной норме).

Просторечно-сниженные ФЕ выносятся филологическими словарями за пределы литературной нормы. Они функционируют в качестве маркеров разговорно-фамильярного стиля. Характерной чертой общения на данном уровне является бесцеремонность отношений между говорящими, что

находит соответствующее выражение в языке. Языковая бесцеремонность объясняется в словарях как особый характер выражения всякого содержания в оценочном плане - отрицательного, нейтрального-положительного, ср. в американском военном просторечии: «pig snout - противогаз», «rat face» - «парад, смотр», «old buffer» - «старый хрыч» и т.д. Подобные выражения являются специфическим средством выражения непринужденности на стилистически сниженном уровне.

Глава 2

Словарный анализ коннотации устойчивых словесных комплексов

[УСК=ФЕ]

2.1. Словарно – прагматическое толкование стилистической коннотации УСК

Любая единица несёт в полном словаре соответствующую прагматическую информацию [19, с.32]. К ней обычно относят всё то, что связано реальным функционированием языковой единицы или иначе с коммуникацией. Прагматическая информация трактуется как информация в пределах использования знака в коммуникации [27, с.64]. Прагматика - это один из планов или аспектов исследования языка, выделяющий и исследующий единицы языка в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языком.

По данным толковых словарей современного английского языка представляется целесообразным выделить условно несколько индикаторов оценочно-прагматической информации.

Первый из них можно обозначить как индикатор ситуативной отнесенности: данный индикатор указывает в оценочном плане на типовые ситуативные контексты функционирования ФЕ, индикатор оценочно - ситуативной отнесенности, как правило, может быть выделен на уровне словарной дефиниции в той ее части, которая непосредственно следует за ядром и отделяется от нее (дефиниции) либо аббревиатурой «e.g.», либо заключается в скобки. Например, ФЕ «in out it fine/close» трактуется следующим образом: «to leave least amount of time, money, etc., possible before the end of a limit for finishing or doing something, e.g. catching a train». Часть словарной дефиниции, следующая за аббревиатурой, «e.g.» указывает на коммуникативную ситуацию, с которой данная ФЕ может соотноситься.

Коммуникативно-релевантная информация в отношении ФЕ «all- the best» представлена следующим образом: «May everything go well for you!

(used when one is leaving a friend, at the end of a letter to a friend, etc.)» (Webster – 2003, P.371).

Указание в толковом словаре на экстралингвистическую ситуацию общения может носить различный характер.

Изучение словарей показало, что словарная дефиниция в её распространенной части может содержать прямое указание на ситуацию употребления, как это имеет место в приведенных выше примерах.

В большинстве случаев словарная дефиниция содержит косвенное указание на коммуникативную ситуацию, раскрывая, если это глагольные действия, участников коммуникативных актов. Например: «to have etc. a good time - enjoy oneself generally or a particular occasion, e.g. as at a party, on a holiday, etc. (Webster, 2003, P. 403).

На условия протекания коммуникации и их оценочность указывают также и регистры коммуникации. Маркерами основных коммуникативных регистров в толковых словарях выступают такие пометы, как «fml», «not fml in fml», обозначающие соответственно официальный, полуофициальный и неофициальный уровни общения.

Закрепленность той или иной ФЕ за определенным регистром не является постоянной величиной. ФЕ может перемещаться из одного регистра в другой, что предопределено различными факторами лингвистического и экстра – лингвистического порядка.

Так, составители словаря «The Oxford English Dictionary» (1999) отмечают, что помета «formal» указывает на официальный характер межличностных отношений коммуникантов и ассоциируется, прежде всего, с официальной коммуникативной ситуацией.

Например, ФЕ «to make answer/reply», имеющая в цитируемом словаре помету «formal», может употребляться в следующем контексте: «He presented an address from the House of Commons to which Her Majesty was graciously pleased to make reply» (P. 369).

Регистр коммуникации в самом общем виде отражает и характер ролевых отношений коммуникантов. Прямое указание на ролевое отношение участников коммуникации может найти отражение в словарной дефиниции. Подобное конкретное обозначение участников коммуникации, данное в словарной дефиниции, составляет самостоятельный второй индикатор оценочно-прагматической информации.

Например, в словарной дефиниции ФЕ «on the carpet about to be scolded, esp. by one's employer or someone of higher rank» находим конкретное указание на характер ролевых отношений участников коммуникативной ситуации. Словарная дефиниция «to snap one's fingers - to attract the attention» (of another person, e.g. a servant) by making a similar sound to show that one wants him to come or to do something» также отражает разный социальный статус коммуникантов в ситуации, обозначаемой данной ФЕ.

Подобное конкретное указание на ролевые отношения участников коммуникативной ситуации в толковых словарях встречается редко. Однако данная информация в силу её коммуникативно-релевантного характера чрезвычайно важна для правильного употребления ФЕ в речи, ибо заключает в себе явную или скрытую оценочность.

Поскольку коммуникация есть форма социального взаимодействия [23, с.58], постольку для определения её особенностей необходимо учитывать три взаимосвязанных ее элемента: цель коммуникации, условия ее протекания и ролевые отношения коммуникантов.

Рассмотрим вопрос о том, находит ли отражение в толковых словарях информация относительно первого параметра описания коммуникативной ситуации - коммуникативного задания, которое может выполнять та или иная ФЕ в определенной контекстной ситуации.

Считается, что стилистически маркированная ФЕ характеризуется высокой степенью коммуникативности, обладая (по сравнению со словом) более развёрнутой предикативностью.

Высокий оценочно-коммуникативный потенциал подобных ФЕ подтверждается также тем обстоятельством, что семантика большого количества стилистически маркированных ФЕ включает самые общие импликации, т.е. подразумеваемые, эксплицитно-невыраженные оценки и отношения адресата. Эта информация также участвует в формировании смысла высказывания, создает его не явно выражаемый смысловой фон или подтекст, что важно при определении оценочного потенциала. Для современной лингвистики отсюда характерно более пристальное внимание к речевому подтексту, которому соответствуют истинные цели сообщения.

Обобщенные импликации, связанные с употреблением той или иной ФЕ, входят составной частью в коммуникативную интенцию (т.е. в намерение, цель), которая квалифицируется как присущая предложению смысловая направленность на оптимальное разрешение определенной текстуально обусловленной языковой задачи общения.

Некоторые толковые словари в самом общем типизированном виде фиксируют элементы импликации, но не включают их в интерпретацию предметно-логического и оценочного значения ФЕ, т.е. в словарную дефиницию. Например, словарная статья ФЕ «over my dead body», наряду со словарной дефиницией, включают ещё и информацию оценочно-прагматического характера: «(often used as an interj. to show one's strong opposition to a suggestion or statement that has just been made)» (The Oxford English Dictionary - 1999, P. 561).

Указание на содержащиеся в семантике ФЕ импликации, а также на типы речевых актов, в которых наиболее закономерно проявляется та или иная ФЕ, составляет третий условный индикатор прагматической информации. Наличие данного индикатора коммуникативной интенции составляет характерную черту, например, такого толкового словаря, как (The Oxford English Dictionary» (1999). Импликации, являющиеся важными компонентами коммуникативной интенции (целеустановки), представлены в данном словаре (и его последующих переизданиях) в виде дополнения к

основной части словарной дефиниции. Например: «... just what the doctor ordered. Can be used as a welcoming comment» (p. 564).

Анализ словарных статей показал, что импликации выступают в роли оценочно-смысловых приращений и выражают реальное намерение говорящего в процессе употребления ФЕ в речи. Отсюда очевидна ценность функционального подхода к изучению фразеологии, в том числе и стилистически маркированных ФЕ. Подобный подход не только глубже и понятнее всего раскрывает в контексте словаря оценочную сущность языка как продукта функционирующего сознания, вырабатывающего знаковую систему выражения, но и позволяет выявить взаимообусловленность и взаимозависимость между определенным типом текста и языковыми единицами, функционирующими в нём.

Рассмотрим информацию словарей о фразеостилистике. Фиксированию в ФС подлежат, прежде всего, те способы включения ФЕ в контекст употребления, которые характеризуются достаточно ограниченной стилистической избирательностью. Такое словарное доукомплектование лексико- или фразеоформы повышает смысловую информативность о репрезентируемой ФЕ.

Соответственно, у полисемантических ФЕ подобная текстообразующая функция может ограничиваться только каким-либо из значений: «there are no flies» жарг. 1) (smb.) его не проведешь; он начеку; он не дурак:

There are no flies on me. Arthur thought. «Меня на проведешь» - подумал Артур.

2) (smb.) ему энергии не занимать, он полон энергии, бодрости:

...there are no flies on old Shropshire. ...старый Шропшир удивительно бодр.

3) отличного качества:

He emptied the glass at a gulp and smacked his lips. “There no flies about that, I lay. Now I’ll be toddling”. Он залпом выпил виски и облизнул губы.

- Штука недурная, надо сказать. Ну, мне пора (АРФС, 1984, с. 288-

289).

Тем самым показ устойчивого контекстуального продолжения ФЕ позволяет разграничить в ФС отдельные значения полисемантической ФЕ. Ср.: ещё:

«eyebrow...up to the eyebrows» si.

7) (in debt) по уши (в долгу);

“Do you want to quit?” Trasker asked flatly. “How can I quit? There won’t be a job open anywhere else for a good six months, if there ever is a job. And I’m up to my eyebrows in debt for the furniture as it is.”

1) Вы хотите бежать отсюда? - в упор спросил Траскер.

2) Куда мне бежать? Сейчас не меньше чем полгода придется ждать какого-нибудь места, да и неизвестно, дождешься ли вообще. А я и без того по уши влез в долги из-за мебели.

2) (in work) (дел) по горло (обыкн. употр. с глаголом to be...).

Look here, my dear, I’m up to the eyebrows this morning. Come back on Monday. Послушайте, моя дорогая, сегодня утром у меня дел по горло. Приходите в понедельник (АРФС- 1967, Т.1, С. 301).

Выполнение этой фразеографической операции сопряжено с большими трудностями, так как необходимо четко разграничить собственно фразеоформу ФЕ и её устойчивое контекстуальное продолжение.

Контекстуальное распространение ФЕ может осуществляться также посредством ряда тематически близких сопроводителей. В таких случаях ФС фиксирует наиболее характерные из них, подчёркивая пометой «и т.п.» открытость, подобного ряда. Элементы системности выделяются и в метаязыке описания, используемого в ФС. При этом в эквиваленте объясняемой ФЕ показываются:

-вариантные колебания: «bat IV.. go full b. si. идти (или ехать) быстро, полным ходом» (АРФС - 1967, Т, 1, С. 67);

-необходимый минимум парадигматической изменяемости: «bearing I ... beyond (или past) all b. нестерпимый (-мо), невыносимый (-мо)» (АРФС-

1967, Т.1, С.72); «blood 2)...one's b. is up он (она и т.д.) разгорячился (-лась), раздражен (-ена), вышел (-шла) из себя» (АРФС -1967, Т.1, С. 96);

-эквивалент, объяснение ФЕ включает в соответствующих случаях информацию о характере соотношения ФЕ или её отдельных значений с контекстом употребления: «best... make the b. (of)

1) использовать (что-л.) наилучшим образом, наиболее эффективно:

He knew the game well and you could be sure that he would make the best of his cards. Он хорошо знает эту игру и можете быть уверены, он свои карты разыграет наилучшим образом [86, р.243];

2) мириться (с кем-л. или чем-л.), безропотно переносить что-либо (АРФС, 1984, с.79):

Don't bother about me, Beauty. I'm going to make the best of whatever you decide. If you're Harry's wife I'll make myself agreeable and never give any worry. Обо мне не беспокойся, Бьюти. Что бы ты не решила - я на все соглашусь. Если ты выйдешь замуж за Барри, я слова не скажу и никогда ничем не огорчу тебя [92, с.114].

Рассмотрим другой пример:

In broad daylight 1) при дневном свете; среди бела дня:

Seen now, in broad daylight, she looked tall, fair and shapely. Теперь, при ярком дневном свете, я увидела, что она высока, стройна и красива [87, с.116];

2) открыто, публично (АРФС, 1984, с.202) :

Now he began to pursue her in broad daylight. (U. Sinclair, "World's End", ch. 8)

Итак, как видно, интерпретация стилистического значения ФЕ в словаре – задача исключительной сложности [73, с.69]. Её решение зачастую требует поиска комплексных приемов толкования. Разумеется, в этой проблеме ещё очень много сложного и противоречивого. Не всегда опыт даже самого авторитетного словаря может быстро получить окончательное признание у носителей языка по поводу той или иной фразеологической

оценки определенного языкового факта. Здесь особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает вопрос о преимущественном употреблении конкретной ФЕ как в базовом английском языке, так и его отдельных вариантах (британском, американском и т.д.)

Так, ФЕ «to put one's foot into one's mouth» («влипнуть, попасть впросак», «сделать оплошность») снабжена в англо-русском фразеологическом словаре А.В. Кунина (1967; 1984, с. 293) пометой «разговорная») и её функционирование в речи иллюстрируется примерами из оригинальной художественной литературы:

-I'm afraid I haven't done the right thing.

-You're right in this time, old man. A candidate like Warren, who his sponsors felt would put his foot in his mouth every time he spoke was well-advised to stay home.

-Боюсь, что я поступил неправильно.

-На этот раз вы правы, старина. Кандидату в президенты Уоррену рекомендовали не выезжать за пределы своего штата. Его покровители были уверены, что стоит ему открыть рот, как он обязательно что-нибудь ляпнет.

Большинство англичан в отличие от американцев предпочитают не употреблять «to put one's foot into one's mouth» в значении «to commit a social blunder», т.е. «совершить, допустить бестактность». Вместо этой ФЕ они чаще употребляют «to drop a brick», которую американцы не употребляют совсем.

Отсюда следует сожалеть, что в словарях английского языка не имеются пометы, указывающие на область реального (преимущественного) употребления данной ФЕ в современном английском словаре. Контекст играет большую роль а актуализации значения ФЕ, так как именно в нем раскрываются все особенности употребленной фразеологической единицы. В художественном контексте каждый элемент является необходимым для актуализации комплексного значения ФЕ. В контексте можно почувствовать постепенное наращивание смысла, которое достигается благодаря

взаимозависимости и взаимообусловленности составляющих его компонентов. В вышеуказанном контексте ФЕ «to put one's foot into one's mouth» можно проследить постепенное наращивание смысла и объяснение значения данной ФЕ:

-I'm afraid I haven't done the right thing.

-You're right in this time, old man. A candidate like Warren, who his sponsors felt would put his foot in his mouth every time he spoke was well-advised to stay home [46, p. 312].

Сопоставление показывает, что объем глоссы, в которой декодируется стилистическая коннотация одной и той же ФЕ в разных словарях, не тождественен. Нарушается пропорция этого фрагмента словарной статьи и даже в корпусе одного словаря.

Для последующих фразеографических систематизаций фразеостилистической информации в словарях целесообразно использовать опыт словаря Кенкьюша как базового. В нём наиболее полно представлены те индикаторы коннотации (в том числе и собственно стилистической), которые с большей или меньшей полнотой отсутствуют в других толковых и фразеологических словарях английского языка. Здесь, показатель стилистической маркированности ФЕ выступает либо как самостоятельный индикатор, либо чаще в сочетании с другими индикаторами (семантическими, этимологическими, контекстно-порождающими, деривационными и др.).

Природа лингвопрагматики, а частности фразеопрагматики во многом объясняется особенностями стилистической актуализации ФЕ в контексте употребления.

Так, нарушение стилистической дистрибуции (НСД) ФЕ является активным способом реализации фразеопрагматики в виде всевозможных преобразований ФЕ в речи. Это нарушение сочетаемости и референтной отнесенности смещение функциональных стилей, нарушение ситуации общения. Иными словами НСД ФЕ выход за пределы той совокупности

окружения, в котором данная ФЕ обычно встречается в соответствии с узусом.

При этом о нарушении именно стилистической дистрибуции ФЕ можно говорить только в том смысле, что этот прием служит созданию определенного прагмастилистического эффекта, т.е. «стилистического средства эмоционального воздействия на читателя» [42, с. 48].

Реализация стилистического приема в художественном тексте определяется интенцией автора, т.е. прагматической установкой, которая может быть определена как материализованное в тексте осознанное намерение отправителя сообщения оказать соответствующее воздействие на получателя.

В свою очередь, оптимальный эффект восприятия текста напрямую зависит от творческой личности автора [39, с. 34], от того, насколько неожиданны и непривычны его ассоциации.

Собственно идентификация стилистического приема и происходит благодаря мысленному сопоставлению конкретному употреблению ФЕ с теми моделями, которые присутствуют в сознании читателя. Поэтому при прагмастилистическом анализе текста обычно рассматривают конкретную реализацию ФЕ в речи посредством сравнения с действующей языковой нормой.

При этом оптимальность прагмастилистического анализа достигается посредством сравнения кодификационно-словарных и текстовых данных.

Например, ФЕ «an old bird», толкуемая словарно как «jocularly». A man, a cove; used of an old man» (A. Supplement to the Oxford English Dictionary... 1982, P. 1036), сравнивается с её типичным контекстом употребления: «He relapsed into a moody silence, and I didn't quite know what to say. No words of mine, I felt, could cheer this stricken child. The iron had plainly entered a dashed sight too deep into soul a mere «Buck up, old bird to do any good» [46, p. 78].

Как видно, в приведенном контексте узуальный референт отличается от окказионального одним семантическим признаком – возрастом.

Соотношение «взрослый человек - ребенок» основано на принципе смежности. Оттенок фамильярности и отрицательная эмотивность, присущие значению рассматриваемой здесь ФЕ, придают легкую иронию – отношению читателя к мальчику – киноактеру, отказывающемуся от всех детских радостей из – за карьеры.

2.2. Стилистическая коннотация УСК разговорной речи в словарном толковании

Толковые словари характеризуют подавляющее большинство ФЕ как единицы разговорно – обиходной речи. Ср. образцы толкования типа: “Search me!” (colloq.)” (Хорнби, 1984, с. 263).

Наряду с разговорностью ФЕ нередко подчеркивается неофициальность, непринужденность манеры их употребления: No fear! (informal.)...”; “Nothing doing! (informal.) (certainly not!)”...; “Get stuffed! (informal.) go away!, shut up” (The Pan English Dictionary, 1980, с. 394, 727, 1093).

Одновременно обращает на себя внимание и довольно продуктивный пласт ФЕ, относимых составителями толковых словарей к просторечно – сниженному стилю. В английских толковых словарях – это многочленные слэнгизмы, ср: “See you around! (sl.)”...; “No way! (sl.)” (Хорнби, 1984, с. 267, 422).

Самый нижний стилистический порог ФЕ в толковых словарях составляет ругательство, вульгаризмы: “Piss off (vulg.)” (Хорнби, 1984, с.129) и др.

Как правило, толковые словари-рассматривают описываемые ФЕ в качестве единиц фразеологического порядка. Для этого используются все - возможные пометы и ремарки, характеризующие различный устойчивые признаки ФЕ вообще. Это указания на образное, переносное значение ФЕ, их устойчивость (относительная воспроизводимость фразеоформы) или же указывается, что ФЕ являются разговорными выражениями, употребляемыми

с различными, семантико - модальными (эмоциональными, эмфатическими) оттенками значения.

Толковые словари отличаются тщательным группированием ФЕ. Особенно ценными представляются здесь сведения о наиболее употребительных ФЕ языка. Подобным ФЕ толковые словари уделяют исключительно пристальное внимание. В итоге именно эти словари самым подробным образом раскрывают систему ФЕ языка в аспектах семантических, модально-экспрессивных, стилистических и функциональных характеристик.

В большинстве своём основная масса ФЕ языка отличается клишированностью структуры, которая предрасположена к значительной имплицитной трансформированности в условиях живой разговорной речи.

Многие из ФЕ показываются толковыми словарями как формулы-клише, устойчиво соотносимые с самыми различными разговорными ситуациями.

Основным классификационным признаком ФЕ, принятым в толковых словарях (особенно полного объёма), является семантический. Он позволяет не только раскрыть в контексте толкового словаря значительные фрагменты отражения средствами фразеологии внеязыковой действительности, но и решить принципиально важную лексикографическую и фразеографическую задачу, состоящую в словарном представлении системы ФЕ языка в сравнительном сопоставлении с лексикой.

Толковые словари рассматривают фразеологию как важный конгредент разговорных единиц. Об этом свидетельствуют специальные пометы при многих ФЕ (выражения «разговорные», «разговорно-просторечные», «сленговые» и др.). При этом нередко в словаре имеются и косвенные свидетельства о разговорности природы ФЕ. Например, показываются всевозможные варьирования и эллиптированные трансформации компонентного состава большого количества ФЕ. Они убедительно свидетельствуют о том, что ФЕ языка выделяются среди прочих

его языковых разрядов особой динамичностью и активностью употребления. Точно также для них характерна взаимообусловленная реализация двух противоположных тенденций: стремление к клишированности фразеоформы, с одной стороны, и к обновлению компонентного состава ФЕ, с другой.

В толковых словарях это убедительно показано на примерах типичных варьирований в компонентном составе ФЕ. При этом, если переход ряда компонентов в разряд факультативных или вообще излишних свидетельствует о их семантическом нивелировании, стирании, то вариантное обновление стержневых образонесущих компонентов может быть рассмотрено под углом зрения сохранения значительных исходных словных характеристик.

Подробно раскрывается в толковых словарях стилистическая система фразеологии. Функционируя в качестве активного разряда разговорного языка, ФЕ отличаются продуктивностью не только в общенародной разговорной речи (так называемой ее литературно-нормированной разновидности), но и в стилистически сниженных разговорных пластах – просторечном, сленговом, а также в профессиональных, социальных и территориальных вариантах языка. Фиксируют также толковые словари и стилистико-функциональные разграничения ФЕ в историческом ракурсе: наряду с ФЕ современного языка толковые словари кодифицируют определенный минимум ФЕ устаревших (или устаревающих), и относимых архаическому пласту фразеологии.

Стилистическая характеристика фразеологии раскрывается толковыми словарями, в дополнение к семантическому описанию. В итоге толкование многие ФЕ приобретают довольно большую точность, конкретность и объективность. Типичной для толкового словаря информацией о фразеологии нередко, является комплексная характеристика по таким ведущим лингвистическим параметрам, как фразеологичность (идиоматичность) семантико-образное и модально-функциональное значение, стилистическая квалификация, деривационная соотнесенность одних ФЕ с другим описание

фразеоформы и сообщение об особенностях функциональной реализации в контексте употребления.

Совпадение отдельных из параметров в ряде (или серии) ФЕ позволяет выделять в толковом словаре гнездо ФЕ, что способствует более углубленному представлению фразеологии в общей системе значений опорного слова конкретной группы ФЕ с одной стороны, и соотносительных связей с ФЕ прочих семантико - грамматических разрядов языка, с другой стороны.

Вместе с тем обобщение богатого опыта современных толк словарей, английского языка в кодификационном представлении фразеологии позволяет обнаружить и некоторые весьма существенные упущения. Так, на наш взгляд, толковые словари зачастую игнорируют сложную модальную оценочность фразеологии, что снижает уровень описания специфических особенностей многих ФЕ английского языка. Думается, что интерпретация большинства ФЕ в толковых словарях должна проводиться, как правило, посредством тщательного подбора наглядных иллюстративных контекстов реализации ФЕ, т.е. показом их функциональности.

Толковые словари должны использовать богатый опыт полных двуязычных словарей. Именно здесь много удачных образцов раскрытия семантико-функциональной и стилистико-коннотативной фразеодеривации. Отметим следующий случай:

“Heaven...б. в грам. знач. междометия боже! , боже мой!, чёрт возьми!, (выражает восхищение, досаду, испуг); Н.! She looks pretty! Боже! Да она хорошенькая!; John screwed his features into a scow! They got in-with two other beasts-oh! Н.! Джон скривил лицо в хмурую гримасу. Они вошли в купе- и с ними двое каких-то болванов, черт бы их побрал!; Н. forbid! боже упаси; by Н.! “ей богу!; good (gracious) Heavens! о боже!, боже мой!; for Н.'s sake! ради всего святого!; how in Heaven’s name did you come here? каким чудом вы сюда попали?”.

При перегруппировании ФЕ в словарной статье в качестве объединительного фактора может использоваться общая семантико-модальная оценка, которая выступает ведущей доминантой соответствующей микрогруппы ФЕ. Приведём следующий образец подобного размещения ФЕ:

“Deuce... I. 1) Чёрт, чёрт возьми! Чёрт побери!... ;

2) Эмоц.-усил. после вопросительных слов who, what, why и .т.п. выражает недовольство, раздражение чёрт возьми! что за чёрт! Какого чёрта!; what the Deuce? что за чёрт; why the Deuce? какого чёрта?; who the Deuce are you? кто же вы, чёрт побери ? !;

3) как эмоц. отрицание как бы не так!, чёрта с два!; is he coming? The Deuce he is! Он придёт?- Чёрта с два! Как бы не так!; the Deuce a bit чёрта с два!

4) Эмоц.-усил. в составе реплики выражает недоверие к словам собеседника или неприятное удивление ещё не хватало!, скажите на милость!, неужели!;

II. В грамматическом значении сущ. Эмоц.-усил. чёрт, дьявол; the Deuce knows чёрт его знает; the Deuce is in it if, I cannot чёрт побери, конечно могу!... ; go to the Deuce иди/ проваливай/ко всем чертям;

...it is the very Deuce! в этом-то вся загвоздка!” (БАРС, т. 1 с. 377).

Соответственно и ФЕ большой степени семантико-модальной интенсивности выражаемого значения сопровождаются в переводном словаре особой пометой (например, эмоц.-усил): “PerishPerish the man! Эмоц -усил. чтоб он пропал!” (БАРС, т. 2, с. 192).

Переводной словарь проводит в известной мере идентификацию отдельных типов ФЕ давая в этих целях соответствующую ремарку: “Good ...Good gracious! господи! (восклицание)” (Англ.-Рус. С. 1962, с. 439) и др.

Примечательно, что зачастую переводные толковые словари рассматривают фразеологию как наиболее характерную для того или иного языка. Обычно именно она выделяется словарем в качестве образца национальной фразеологии. С другой стороны, многие ФЕ языка

представляют собой весьма значительные трудности в толковании их семантической и стилистико-функциональной природы. В силу подобных причин нередки случаи, когда послеромбовая идиоматическая часть словарной статьи заполняется исключительно только примерами фразеологии: “Pest ...Pest upon /on/ you! Чтоб ты сдох!...; Pete ...for Pete’s sake! Ради бога! (БАРС, т. 2, с. 197); “How ...and how! амер. разг. ещё бы!; очень даже (часто ирон.); how do you do? how d’ye do? здравствуйте!; как поживаете?; how are you? как поживаете?; it was a swell party, and how! вот это была вечеринка!; how now? что это такое?; что это значит? (Англ. Рус. С.1982, с. 487).

В переводных словарях английского языка, подобная обособленная идиоматическая послеромбовая часть словарной статьи может посвящаться отдельному описанию даже ФЕ - американизмов, т.е. одному из разрядов фразеологии, характеризуемой стилистико-функциональной ограниченностью рамками активного варианта языка: “Real...are you for real? амер. жарг. вы не шутите? не может быть! это просто невероятно! (выражает радостное удивление)” (БАРС, т. 2, с. 308).

Конечно, принимаемая последовательность размещения ФЕ в словарной статье переводного словаря не всегда может быть принята безоговорочно. Думается, что по возможности здесь необходимо проводить дополнительную дифференциацию ФЕ на отдельные подгруппы, каждая из которых строится на основе общности семантико-модальных, эмоциональных стилистикофункциональных характеристик).

Полноте толкования в переводном словаре лингвистической природы фразеологии способствует информация о стилистических и функциональных особенностях многих ФЕ. Так, может сообщаться об отнесении ФЕ к разговорно-обиходному стилю. Например: «всех благ!» разг. (до свидания) all the best! so long! (РАС 1962, с. 60). Интересно, что в приведённом случае словарного представления русско-английской параллели ФЕ весьма компактно даётся довольно большой объём информации. 1. квалифицируется

стилистический статус (как разговорно-обиходный) приводимых ФЕ, 2. показывается к исходной русской ФЕ её синоним «До свидания» и 3. сообщаются две английские эквивалентные ФЕ, которые синонимичны одна другой.

Вообще, как разговорно-обиходные выражения, квалифицируются в переводных словарях многие ФЕ. Ср., например, некоторые из них: «слава богу» разг. *thank God!; thank goodness!* (РАС, 1962, с. 64); «Такие-то дела!» разг. *so that's how things are!, that is the way it is!* (РАС, 1962, с. 181); «Чтобы духу твоего здесь не было!» разг. *never set foot here any more!* (РАС, 1962, с. 206); «Легко сказать!» разг. *it's easy to say* (РАС, 1962, с. 330); и др. Вместе с тем, как нам кажется, нет ни малейшей необходимости использовать при ФЕ такую довольно нейтральную для разговорной фразеологии стилистическую помету, как «разг.».

Современный полный переводный словарь отличается разработанностью системы толкования ФЕ. Кроме подбора к ФЕ исходного языка определённого минимума семантико-функциональных эквивалентов, переводной словарь практикует также показ и других особенностей ФЕ этого разряда. Например, указывается какой-либо семантико-модальный оттенок ФЕ, скажем, ироничность (помета «ирон.»): *“Just my luck! ирон. Такое уж моё везение!, Мне не везёт как всегда!”* (БАРС, т. 1, с. 819); *“A lot you care! ирон. Очень вы заботитесь! Вам и дела нет!”* (БАРС, т.1, с. 816); *“That's a likely story! ирон. Конечно! Всё так и было!”* (БАРС, т. 1, с. 301).

Подобная модально-семантическая характеристика ФЕ важный элемент их словарного толкования. Переводной словарь выделяет еще и такие особенности в значении ФЕ, как выражения удивления - *good God!, good Lord!* (РАС - 62, с. 64); досады и т.п. *Oh Lord!* (РАС - 62, с. 64); ужаса и т.п. *-my God! good God!* (РАС - 62, с. 64); восхищения - *tu God! Good gracious!, Goodness me!* (РАС - 62, с. 64) и др. Причём различные по образности модально-семантические оценки могут совмещаться в одной ФЕ. Так, в разных речевых ситуациях одни и те же ФЕ выражает удивление или

же негодования. Это характерно, например, для таких ФЕ, как: Bless you, no!; Bless your heart, no!, Nothing of the sort! (РАС - 62, с. 163) и др. Переводной словарь толкует такие комплексные семантико-модальные оттенки посредством набора соответствующих ремарок: “Holy mackerel! amer. Боже мой!, Вот те на! Ну и ну! (восклицание досады, удивления и т. п.)” (БАРС, 1, с. 301).

Рассматриваемые семантико-модальные оттенки, как уже отмечалось выше, способствуют развитию у фразеологии многозначности, в результате чего соответствующий оттенок может закрепляться лишь за одним из самостоятельных значений ФЕ. Это явление в фразеологии последовательно раскрывается в переводном словаре посредством межъязыкового сравнительного сопоставления. Например: “The devil’s own luck! а) Необыкновенная удача! едкое везение! б) ирон. Чертовское (дьявольское) невезение! (БАРС, т. 1, с. 819).

Активно функционируемые в языке ФЕ является неременной составной частью описания различных отдельных слов. Такие словарные статьи позволяют предельно полно отразить их природу, отметив наиболее характерные особенности: семантические, модальные, функциональные и т. д. Здесь также раскрывается соотношение лексических и фразеологических единиц, их взаимодополняемость в пределах одного лексико-фразеологического ряда или гнезда.

В переводном словаре ФЕ подаются за ромбом подобному выбору фразеографически опорного слова способствует его повышенная фразеоактивность. Поэтому, например, правомерно построение фразеоблока ФЕ, в словарной статье и другой фразеообразовательно - продуктивной частицы:

вот частица...2. (с сущ. в восклицаниях) there is, или there’s, a...(часто с for you! в конце); Вот невежда! There’s an ignoramus for you!...вот и всё and that’s all; вот не думал, что ...well(, I never thought that...; вот так! вот тебе (и) на! разг. well, well, to be sure! ; well I never! Вот те иthere’s/ there’s your

...; вот тебе, вот тебе! take that, and that!; вот ещё! indeed!; well, I like that; what next!; вот как! Вот еще! really? ... indeed? Is that so? That's it, is it? You don't say (so)!; вот так (одобрение) that's the way, that's right; вот так (при сущ.) пренебр. there is a nice ...for you! (+личн.форма глаг.) that's a nice way (of get);... вот так сказал! that's a nice way of talking, that's a nice thing to say; вот так история! this is a nice business / mess!... this is a fine fix! ^азг. there's или here's a pretty kettle of fish!идиом, вот это да! разг. now, that's something like!" (РАС - 62, с. 114).

ФЕ, соотносимые между собой по общности или сходству выражаемых семантико-модальных оттенков, группируются в переводном словаре в одном гнезде Ср. подобные образцы; (I) say а) Послушайте! б) восклицание, выражающее удивления: Ну и ну!; I say! Why do you dislike me? скажите на милость! За что вы меня не любите?;...Г11 be hanged / damned, shot / Чёрт меня побери! (восклицание, выражающее удивление или категорический отказ) (БАРС, т. 1, с. 683); By gravy!, good gravy! Чёрт возьми! Вот те на! Вот так, так! Не может быть! (восклицание, выражающее удивления, досаду и т. п.) (БАРС, т; 1, с. 606) и др.

Кстати, общностью семантико-модальной характеристики нередко могут отличаться и разные значения одной полисемантической ФЕ, что позволяет обособлять её описание в словарной статье: "Get .. get along with you! эмоц. - усил.. а) иди ты!; ерунда!; не болтай глупостей!; да ну тебя; б) проваливай! (БАРС, т. 1, с. 580).

Итак, описания ФЕ в переводном словаре (как и в толковом) достаточно последовательно опирается на фразеобразовательный потенциал их слов- компонентов. Это позволяет строить при каждом из составных слов-компонентов ФЕ отдельные фразеогнёзда, что может, рассматриваться важной закономерностью словарной репрезентации фразеологии. Ср. фразеогнездо ФЕ: Mercy ...Mercy (me/on/us)! господи, боже мой! милосердный боже!; for Mercy's sake! ради бога!; that's a Mercy! это прямо счастье!; what Mercy! какое счастье!, какая удача! (БАРС, т. 2, с. 40).

Зачастую при этом переводной словарь выдерживает в большой степени точности соотношение значений базового компонента ФЕ в его свободной и фразеологической реализации. Ср.: “off...указывает на удаление...hands off! руки прочь!...;off with you! марш отсюда!; off you go! убирайтесь!” (БАРС, т. 2, с. 122).

Связь же между разными фразеогнёздами одной и той же ФЕ поддерживается в переводном словаре перекрёстными ссылками: ”Mackerel ...holy mackerel! см. holy” (БАРС, т. 2, с. 7).- ”Holy ...holy mackerel / smoke, snakes, Moses, Mother of God! амер. боже мой!, боже правый! не может быть! вот те на! ну и ну! (восклицание досады, удивления и т.п.) (БАРС, т. 1, с. 663).

Тем самым переводной словарь сохраняет системные связи между ФЕ лишь на уровне инвариантной (базовой) фразеоформы. В рассмотренном случае таковой является Holy mackerel! Она фиксируется в словаре дважды под своими разными словами-компонентами, т. е. в словарных статьях “holy” и “mackerel”.

Причем вполне справедливо, что вся полнота информации о данной ФЕ сосредотачивается под компонентом “mackerel”, который может бесспорно считаться в качестве стержневого фразеоформы ФЕ Holy mackerel! Об этом хотя бы свидетельствует предрасположенность слова “mackerel” к вариабельному обновлению, благодаря чему повышается семантико-модальный и функциональный потенциал ФЕ Holy mackerel!

Кроме указания на вариантную амплитуду стержневого компонента, подобный приём толкования ФЕ содержит ещё информацию о

1. средствах эквивалентности в выходном языке и
2. характере семантико-модальной реализации в контексте употребления (в рассматриваемом случае это использование ФЕ в качестве восклицания с эмоциональным оттенком досады, удивления).

Как уже отмечалось, в переводном словаре фразеообразовательно опорное слово объединяет группу ФЕ в словарной статье по наиболее

общему для них характеристическому признаку. Причём это, как правило, не препятствует какой-либо дополнительной дифференциации ФЕ в широком контексте подобных словарных статей.

Ср: "I...(I) say! а) послушайте; I say, do come and look at (this! Послушайте, подойдите и посмотрите на это! б) восклицание, выражающее удивление ну и ну!; I say!why do you dislike me!

Скажите на милость! За что вы меня так не любите?; I wouldn't know at откуда же мне знать; I'll be hanged (damned, shot!) Чёрт меня побери! (восклицание, выражающее удивление или категорический отказ);

(I'll be) hanged, if I remember his name! убей меня бог, не помню, как его зовут!; I'll be hanged if I pay all that money for a mere photograph! чёрт подери, не стану я платить столько денег за простую фотокарточку!; (I) (hope to God (Goodness) ; I wish to God (Christ, Heaven и т. п.) как бы мне хотелось.., как бы я желал" (БАРС , т. 1, с. 683).

В приведённом фразеогнезде достаточно компактно охвачены ФЕ, объединяемые общей для них эгоцентричной характеристикой. Одновременно внутри фразеогнезда обособляются отдельные подгруппы ФЕ с опорой на конспективный дифференцирующий признак. Это подгруппы восклицаний, выражающих 1. удивления и 2. отказ. Именно в пределах подобных автономных подгрупп ФЕ и достигается полнота словарной интерпретации их релевантных лингвистических особенностей. Прежде всего это варибельность компонентного состава фразеоформ и демонстрация включения ряда ФЕ в типичную разговорную ситуацию.

Разумеется, словарный комментарий лингвистической природы ФЕ будет достаточно исчерпывающим в словарных статьях, описывающих фразеобразовательные возможности деривационно ведущих компонентов фразеоформы, т. е. выполняющих в них основную образонесущую функцию. Ср. полный показ амплитуды варибельных колебаний стержневого компонента в следующей ФЕ: "Go ...go to blazes! / to Bath!, to hell!, to Jericho!,"

Если же наряду с ними в составе ФЕ включаются ещё и другие менее активные в этом отношении слова, то при них лишь перечисляются наиболее показательные образцы ФЕ.

О наличии в языке еще и других фразеоданных с участием конкретно рассматриваемого слова в конце фразеогруппы делается соответствующее предупреждение. Тем самым не только не игнорируется фразеобразовательный потенциал любого отдельно взятого слова, но и сохраняются системные связи в пределах обширных фразеогнёзд языка.

Ср. Удачное решение подобного фразеографического вопроса в следующем случае: "Он...keep your hair on! спокойно!, не волнуйся! ; (др. сочетания см. под соответствующими словами)" (БАРС, т. 2, с. 128).

В то же время переводная лексикография решает задачу цельного представления фразеологии далеко не всегда последовательно. Например, часто отмечаются неправомерные разрывы между ФЕ одного фразеогнезда.

Причём это нередко приводит к различной лингвистической интерпретации ФЕ. Так, если одни из них рассматриваются как собственно фразеологическое образования, то другие произвольно смешиваются среди нефразеологического материала словарной статьи.

Приведём пример словарной статьи, где ФЕ с одним общим фразеографически опорным словом «беда» разбросаны в различных местах; "беда... misfortune..., trouble...; быть беде! look out for trouble!, there's trouble ahead...; (просто) беда! it's a bad job!; беда (не) в то, что the trouble is (not) that; в чём беда? where's the harm?; в том -то и беда that's just the trouble; в беде in trouble; попасть в беду get into trouble; come to grief... идиом.; беда мне с ним разг. he is giving me a great of trouble...; на беду unfortunately...; как на беду as ill luck would have it; накликать беду court disaster...; что за беда? what does it matter? не беда it doesn't matter (РАС – 62, с.49).

Очевидно, что зафиксированные в данной словарной статье с опорным словом «беда» ФЕ должны, по крайней мере, сораспологаться в ромбовой части. Речь идёт здесь о ФЕ: «Быть беде!», «(просто) беда!», «В чём беда?»,

«что за беда?», «В том- то и беда», «Беда мне с ним!», «Как на беду!», «Не беда!».

Следует также подчеркнуть, что отмечаются нередкие случаи пропуска ромбового знака при размещении ФЕ в переводном словаре: "woe...woe is me! горе мне!: woe be to him!, woe betide him!., будь он проклят!" (Англ. Рус. С.- 62, с. 1135).

Переводной словарь широко опирается в толковании языкового материала на данные сравнительного анализа. Сопоставление переводным словарём разноязычных ФЕ позволяет, строит ряды эквивалентов, соотносимых между собой в достаточной степени сходства, приближённости. Параллелизм, скажем, русских и английских ФЕ отмечается переводным словарём весьма подробно.

Ср. следующие пары: «какая белиберда!= what rubbish!» (РАС- 62, с. 53). «никакого беспокойства! = no trouble at all!» (РАС- 62, с. 56); «будь он проклят!» «damn / curse him!» (РАС- 62, с. 77); «будь по твоему!= let it be as you wish!» (РАС- 62, с. 77);" до чего он дожил!=what has he come!" (РАС- 62, с. 193); "брось ерундить!= stop talking rot!" (РАС - 62, с. 211) ; "типун тебе на язык! = a plague on you for saying such things!" (РАС- 62, с. 786).

Что касается интерпретации ФЕ, то в этом типе словаря установились следующие правила подбора эквивалентов, призванных дать исчерпывающую информацию о сложной природе фразеологии:

1. ФЕ исходного языка соотносятся с серией синонимических ФЕ выходного языка с включением и такой ФЕ, которая в выходном языке наиболее близка к типичным ситуационным реализациям описываемой ФЕ: "Hold your horses! амер. не волнуйся!, потише!, легче на поворотах!" (БАРС, т. 1, с. 670); "вот тебе раз! разг. that's done it!; oh, really!" (РАС- 62, с. 648); "по рукам! Разг. a bargain! It's bargain!, done!" (РАС – 62, с.689).

При этом характерной спецификой переводного словаря является нередкая использования исключительно полного набора эквивалентных вариантов выходного языка, призванных раскрыть исчерпывающим образом

тончайшие семантико-модальные и образные нюансы ФЕ исходного языка: "George...by George! ей богу!, честное слово!; боже мой!; вот так!, вот те на!; чёрт возьми!" (БАРС, т. 1, с. 577).

2. Прямая эквивалентация двух ФЕ сравниваемых языков отмечается в случаях, когда совпадают семантико-модальные образы.

Ср. подобные параллельные пары: "Don't hover over me! Не стой над душой!" (БАРС, т. 1, с. 675); That is a nice beginning!; Well met!; would you be so kind?" (Рус.- Англ.С.- 69, с. 213).

Выводы по 2-ой главе

Взаимная дополняемость лексики и фразеологии в выражении отдельных фрагментов языковой действительности (лексико-фразеологическое название одних и тех же внеязыковых фактов и явлений, скажем, посредством лексико-фразеологических полей, серий синонимов, антонимов и т. д.) объективно реализуется в ТС совместным лексико-фразеологическим описанием выделяемых слов, избранных в качестве заглавных в словарных статьях и выступающих как ЛОС различных ФЕ. Обязательность одновременного учета лексической и фразеологической систем обуславливается также их нередкими переименованиями взаимными наложениями и дополнениями при объяснении слова (как основной единицы языка) в словарях.

В практике создания ТС сложилась устойчивая традиция: лексика, реализующая свои фразеобразовательные возможности, описывается в ТС также посредством привлечения и объяснения соотносимого с ней фразеологического материала, т.е. семантическая и стилистическая градация лексической системы языка в ТС предопределяет достаточную полноту отражения и сведений о фразеологии и паремиологии.

Очевидно, что наиболее общая лексикографически приемлемая градация фразеологии в ТС возможна посредством её сопоставления с лексико - семантической системой. Лексикографирование слова в ТС

предполагает не только всесторонний показ его смысловой структуры в соотношениях и связях с лексико-семантической системой языка, но и исчерпывающую информацию о всех ФЕ, ”около него группирующихся”. Это оказывается возможным благодаря тому, что в значительном числе случаев сохраняется и отчётливо прослеживается взаимообусловленность свободного и фразеологически связанного функционирования слова. Поэтому практику составления фразеобъединений, фразеоблоков при соотносимом значении ДОС следует рассматривать как наиболее целесообразную для типа ТС. Опыт лучших ТС убедительно демонстрирует эффективность подобного подхода к разрешению фразеографических задач. Он основывается на достаточно объективном факте сохранения в большей или меньшей степени словных свойств и характеристик у компонентов ФЕ.

ФЕ языка выделяются индивидуальностью ведущих своих характеристик. Это образное представление, степень семантического переосмысления, конструирующие особенности модели, стилистическая природа, функциональная подвижность и др. Вместе с тем, любая ФЕ соотносится с другими по различным параметрам в определенных группах, блоках фразеологического (лексико-фразеологического) порядка. Основанием для выделения фразеоблока будет наличие общего для его ФЕ деривационного признака или даже целого набора таких признаков (семантико - тематическая близость, единство модели, совпадение стержневого фрагмента и т.д.) Принцип блокообразования лексики и фразеологии широко применяется в лексикографии. Например, в словарях синонимов вокруг общего слова доминанты конструируются более или менее развернутые ряды соотнесённых по семантической (семантико-стилистической) близости слов и ФЕ.

Вместе с тем, при блоковом комплектовании фразеологии в толковых и приближённых к ним словарях не используются отдельные деривационные признаки, по которым ФЕ взаимообусловлено соотносимы (или противопоставляемы) между собой в пределах цельного фразеобъединения.

Одной из подобных словарных недоработок является слабость раскрытия стилистической специфичности каждой из ФЕ например синонимического ряда – блока.

Переводные словари информируют и о семантических осложнениях во фразеологии, которые толкуют стилистическую коннотацию как акт деривации.

При отборе стилистико – коннотативного материала для фразеодеривационного исследования и прежде всего в целях отграничения дериватов от фразеологических вариантов необходимо исходить из трех основных предпосылок, которые определяют методику анализа текстовых и фразеографических данных:

1. Наличие как материальных, так и семантических преобразований исходной единицы, необходимых для признания в ряде структур производного образования от самостоятельной фразеологической единицы дериватом;

2. При наличии преобразований в плане выражения изменения в плане содержания считаются достаточными для признания стилистико – коннотативного статуса языковой единицы [например, фразеологизма – деривата], если они затрагивают в дериватно соотнесенном ряду предметно – логический аспект значения исходного фразеологизма;

3. Трансформации в коннотативном аспекте значения признаются несущественными изменениями плана содержания и, следовательно, не приводящими к формированию фразеологической единицы – деривата.

Несущественность различий в коннотативном аспекте значения для установления тождества и различия фразеологизмов неоднократно подчеркивалась фразеологами, в том числе и в стилистическом плане.

Исключение составляет лишь редкие случаи, когда коннотативные расхождения сопровождаются изменениями их окружения в тексте и следовательно, не допускают взаимности в контексте.

Очевидна правомерность устоявшегося лексикографического правила, согласно которому ФЕ подается в переводном двуязычном словаре (ДС) как подтверждение реализации конкретного семантического значения (оттенка) слова во фразеологически связанном употреблении. Особенно наглядно это прослеживается в словарной статье, заглавное слово которой имеет несколько значений.

Глава 3

Текстовый анализ коннотации УСК

3.1. Коннотативная значимость УСК в тексте

Текст как определённым образом организованная, по смыслу законченная единица системы средств коммуникации даёт объективное представление о формах существования языка и является показателем характера его употребления [6, с.23].

В тексте находит специфическое выражение многоаспектность тех отношений, которые устанавливаются между отправителем и получателем информации. Текст даёт представление о речетворчестве: всякое речевое действие - это акт объективирования чего-то (события, явления и прочее), а инициатором этой акции является человек [8, с.10].

Текст выступает объективным показателем стиля, стилевой ориентации единиц языка; он является объектом лингвистических и стилистических разысканий и привлекает к себе внимание филологов самого различного профиля.

Интенсивное развитие лингвистики текста (общая теория текста, грамматика текста и др. аспекты) привело к тому, что в последнее время возрос научный интерес к стилистике текста как важной сфере лингвистических разысканий [13, с.14].

Становлению нового научного направления, стилистики текста, способствовало то, что изучение стилей речи, стилей языка, стилистической значимости средств общения стало опираться на показания текста как целостной единицы, которая даёт представление о способах использования языка в различных видах речевых действий [7, с.171].

Проблематика стилистики текста становилась всё более широкой, более многогранной, поэтому новое направление научных разысканий стали рассматривать как особую дисциплину в рамках лингвистики текста.

Возрастающий интерес к семантике текста, к строевым элементам текста, к описанию и интерпретации художественного текста, - все это

способствовало обособлению стилистики текста и в то же время сохранению ею связей с лингвистикой текста

Наблюдение над стилистическими качествами слов, словосочетаний, предложений показали, что они могут быть поняты в текстовом единстве, что они не могут быть в полной мере восприняты вне текста. При этом важно изучение стилистической роли единиц языка в речевом единстве, видов связей и сцеплений высказываний, своеобразия зависимости от контекста и от их стилистических свойств единиц языка.

Стилистическое своеобразие текста может обретать должную рельефность на фоне сопоставления, поэтому стилистические признаки текста могут быть выявлены в процессе познания, всестороннего изучения разновидностей одного типа текста, а также разновидностей, свойственных разным типам текста.

Продвижение по пути лингвистической интерпретации строения речевых единств, обладающих стилистической значимостью, которая определённым образом воздействует на читателя - слушателя, не может быть плодотворным, если внимание исследователя будет сосредотачиваться на экстралингвистических факторах и на их определяющей роли в стилевой дифференциации литературного языка.

Разыскания, проводившиеся в русле «экстралингвизации», не приблизили нас к постижению характера функциональных разновидностей литературного языка: у нас нет достоверных материалов, которые бы с достаточной определённой квалификацией стилевой статус типа речи как данность, «просвечиваемую» языковой материей (наличием специфических свойств, присущих речевой тональности текстового единства, что находит соответствующее выражение в выборе, отборе и организации единиц языка).

Можно полагать, что в разновидностях литературного изложения скрыты те закономерности использования языка, которые придают публицистическим текстам стилистически воссоздаваемый эффект

убеждения, научным текстам - эффект обоснования, деловым текстам - эффект объяснения, художественным текстам - эффект эстетического воздействия.

Приобретают особую значимость наблюдения над контекстов того или иного типа текста (организация и стилистическая «отягощённость» единиц языка и их роль в структуре минимального стилевого единства); важны наблюдения над своеобразием описательных и иных контекстов в научных, деловых, публицистических, художественных текстах.

Стилевой профиль текста создается взаимодействием речевых средств, отбором и выбором специфического языкового материала, придающего высказыванию нужную стилевую тональность.

Стилистика текста - важное направление лингвостилистических разысканий, она намечает пути к преодолению неясностей, которые проступают при толковании основных понятий стилистики. [24, с.112].

Современное состояние лингвистической науки характеризуется наличием трёх основных парадигм, находящихся в отношениях конкуренции и взаимодействия: историко-генетической, системно-структурной и коммуникативно-функциональной (или коммуникативно-прагматической).

Последняя из названных парадигм опирается на такие принципы, как динамический, деятельностный подход к языку, помещение в центр внимания речевых поступков и соответствующих им аудиторных актов, акцентирование целей говорящего и ожидание слушателя, находящее свою реализацию в стратегиях участников общения, отведение приоритета прагматике перед семантикой, а семантике перед синтактикой (тектоникой) [8, с.11].

С точки зрения этого подхода текст (дискурс) выступает как информационный след коммуникативной (и особенно вербальной) деятельности участников общения. Для его стилистической характеристики особое значение приобретают фактор говорящего (пишущего) и фактор адресата.

Итак, текст (художественный, научный и т.д.) представляет такое речевое порождение, в котором с особой силой отражаются экспрессивные функции языка. На построение индивидуально-авторского произведения накладывает сильный отпечаток эмоциональное состояние писателя, его субъективный взгляд на объективную действительность.

Обращаясь к анализу художественных и других текстов, лингвисты во многом расширяют свои познания в области современного развития и состояния языков. Наиболее перспективными здесь можно выделить направления, призванные изучить различные уровни проявления общеязыковой категории экспрессивности. Это фонетические, морфологические, синтаксические, лексические и другие особенности выразительности текста. Именно в этом плане следует ожидать крупные открытия лингвистов, так как текст и его экспрессивно-выразительный потенциал позволяют углубить знания о соотношении языка и речи. При этом исходя из вышесказанного, необходимо подчеркнуть, что менее изучена, например, грамматическая система современных языков. Здесь задачей является анализ многочисленных форм, их семантического содержания и стилистических характеристик функциональных признаков каждого синтаксического построения в отдельности. Поэтому по-иному можно подвергнуть рассмотрению и уровни традиционного синтаксического анализа. Скажем, здесь актуальным будет обращение к категориальным связям членов предикативных единиц, моделированию словосочетания и предложения, особенностям парантетических конструкций, номинативности, модальности, просодико-текстовым сегментам, парцеллированным образованиям и т.д.

Вполне приемлемым при анализе экспрессивного (стилистического) синтаксиса будет описание прежде всего членов предложения. Учет их характеристик необходим для описания базисных свойств синтаксиса текста. Иначе говоря, подобные данные позволят со всей определенностью судить о

глубинных основах грамматического оформления номинативных процессов, отражающихся с той или иной степенью насыщенности в содержании текста.

Далее следует переходить к рассмотрению синтаксических связей, посредством которых члены предложения соотносятся между собой в словосочетании и предложении. Тем самым раскрывается в общих чертах синтаксическая система языка.

После описания глубинных и поверхностных закономерностей синтаксического построения текста целесообразно выявить и проанализировать особенности его аранжировки. Обычно это делается в плане установления разного рода стилистических фигур, которые особенно показательны для изучаемого текста. Например, можно характеризовать встречаемые в тексте повторы, антитезы, полисинтетоны, конструкции с нарастанием компонентов или убыванием компонентов и т.д.

Сведения о стилистических фигурах дополняют картину синтаксической и композиционной структуры текста. Причем полнота таких данных способствует показу тех конструктивных образований, которые "будут типичными именно для конкретно рассматриваемого текста [23, с. 108].

Разумеется, чисто структурно-синтаксическое рассмотрение текста нельзя проводить в отрыве от его содержательной стороны. Иначе существует опасность прохождения мимо важных семантических и стилистических характеристик текста – прежде всего стилистико – коннотативный.

Ср. контекст:

“Listen, I’ll go to jail if I let bastards like Stacey spill the beans, on me and get away with it” [41, с.42].

Стилистическая коннотация характерна для ФЕ типа:

ФЕ to keep one’s shirt on «быть спокойным, не волноваться, не проявлять нетерпения» и ее синоним to hold one’s horse (sl) «быть терпеливым, быть спокойным» имеют целый ряд антонимов, находящихся между собой в отношениях синонимии.

Это ФЕ:

to get in one's hair «раздражать, беспокоить, надоедать»; to have kittens, to have a litter of Kittens «сильно разволноваться, разозлиться, быть охваченным страхом»;

to go up in the air «разозлиться или прийти в сильное возбуждение»; to be one's ear «быть в бешенстве, в крайне раздраженном состоянии»; to get somebody's Indian up «разозлить, рассердить, вывести из себя»; to throw a fit «прийти в ярость, в бешенство»; to have it in for smb. «разозлиться на кого-л.»;

to get one's hammer out «желать отомстить кому-л., относиться враждебно, с неприязнью»;

to hit the ceiling «прийти в ярость, в бешенство; рассердиться не на шутку; на стену лезть»;

to get under one's skin «раздражать кого-л. или надоедать кому-л.»; to blow a fuse (a gasket) «потерять самообладание, сильно рассердиться»;

to blow one's top (cap, lid, stock) «сильно рассердиться»; to give smb. a pain in the neck «надоедать, докучать кому-л., раздражать, действовать на нервы».

Еще это и ряд синонимов в британском варианте: to get (put или set) somebody's (или one's) back «разозлить(ся), рассердить(ся), раздражаться, ошеничиться, выводить или выходить из себя, сопротивляться, дать отпор»;

to set up one's (или somebody's) bristles «ошеничиться, рассердиться; рассердить кого-л.»;

to get smb's (или one's) danger up (тж. to put up или to raise smb's или one's danger) «рассердить(ся), разозлить(ся), вывести из терпения (потерять терпение)»;

to get one's mad up (брит.диал.) «очень рассердиться»:

“That's the kind of lie that gets by back” [42, с.128].

“Ken got under his skin that's all”. Thorne said” [44, с.316].

“We skirted round this dangerous subject. “Of course”, I said, “X-ray was simply routine nowadays”. “Yes, of course. But if I told Ned that, he’d suspect something. He’s so extraordinary quick, he’d go up in the air” [42, с.119].

“Well, he is beginning to get in my hair”, he said [43, с.102].

“Well, you haven’t been crowding around the family stove. Keep your shirt on, though. You’ll see me and I’ll see you and we’ll even have bunch together” [44, с. 124].

Антонимом к ФЕ to lay down (to bury) the hatchet «установить мир, прекратить враждебные действия» является ФЕ to take up the tomahawk «начать военные действия».

ФЕ to keep the run of something «быть в курсе дела; следить за чем-л.» имеет антоним to lose the run of something «не быть больше в курсе дела; перестать следить за кем-л.».

“But he was their neighbor he was used to them and in a frontier civilization you are not offended by neighbor if he does nothing worse than throw tomahawks”

“Selby is our local boy. We’re going to bury the hatchet in favour of boosting the local product against the outsiders” [44, с. 116].

ФЕ to do smb. dirt «сделать кому-л. гадать, подлость, непорядочно поступить в отношении кого-л.; подложить свинью кому-л.» имеет антоним to die dog for somebody «быть беспредельно преданным кому-л., быть готовым умереть за кого-л.».

ФЕ to cut up soft «по состоянию здоровья не подходить для участия в состязании, соревновании» имеет антоним to be hitting on all four (six) cylinders «прекрасно себя чувствовать, быть в форме, быть работоспособным».

ФЕ to talk turkey ко второму значению «говорить приятные вещи» имеет антонимичные ФЕ to talk through one’s hat и to talk wet «вести глупые разговоры, нести чушь, пороть чепуху». Своим третьим значением «говорить прямо, без обиняков» эта ФЕ вступает в антонимические отношения с ФЕ to spill the beans «выдать секрет, проговориться, проболтаться», to tip the (one’s)

elbow (to bend the elbow) «раскрыть секрет, план» и с синонимическим рядом в британском варианте to blow the gap (the gaff) (sl) «выдать секрет, проболтаться, предавать, ябедничать, доносить»; to make a break (a bad break) «проговориться, обмолвиться»; to let the cat out of the bag «проболтаться, проговориться».

Ср. типичные контексты употребления:

“Eye let the cat out of the bag already, Mr. Corthell, and I might as well tell the whole thing now” [41, с. 117].

“The instant the words were out of my mouth, I realized that I had as the boys say: “spilled the bean’s” [42, с. 117].

The doctor gazed at Poirot in astonishment. “You are talking through your hat, Monsieur Poirot. Surely you’ve not been gayed into believing all that full talk” [44, с. 192].

“... You have to break him. Have no choice. Throw the book at him, so that at least by winter and the Bowl Season he will be ready to talk turkey” [42, с. 178].

Соответственно ФЕ to give smb.the gate имеет два значения: 1) «увольнять, дать расчет»; 2) «отказать жениху, сватающемуся». В американском варианте эта ФЕ вступает по второму значению в следующие антонимические отношения:

to set one’s cap for «стараться женить на себе»; to step off the carpet «жениться», «выйти замуж»; to get hitchet «пожениться»;

Этот ряд ФЕ распространяется и на британский вариант.

3.2. Сопоставление УСК текстовой и словарной коннотации

Оптимальность прагматического анализа достигается посредством сравнения кодификационно – словарных и текстовых данных.

Например, ФЕ “an old bird”, толкуемая словарно как “jocularly. A man, a cove: used of an old man”. Словарно сравнивается с ее типичным контекстом употребления: “He relapsed into a moody silence, and I didn’t quite know what to say. No words of mine, I felt, could cheer this stricken child. The iron had plainly

entered a dashed sight too deep into soul for a mere “Buck up, old bird” “to do any good”.

В приведенном контексте узуальный референт отличается от окказионального одним семантическим признаком- возрастом. Соотношение “взрослый человек- ребенок” основано на принципе смежности. Оттенок фамильярности и отрицательная эмотивность, присущие значению рассматриваемой здесь ФЕ, придают легкую иронию отношению читателя к мальчику- киноактеру, отказывающемуся от всех детских радостей из - за карьеры.

Но характер связей узуального и окказионального референтов при выражении прагмастилистики ФЕ в контексте может быть, разумеется, и более сложным, что следует непременно различать при текстовом обследовании.

Обратимся, например, к следующему словарно- текстовому сравнению ФЕ “lay something at a person’s door” = “blame him for it, attribute it to him”; “blame a person, organization, etc. for [smth]”

“claim that he or it is responsible for (something bad)” “ There was no way of knowing who Their parents were, but Limean gossips noticing as the boys mew older how straight they held themselves and how silent and sombre they were, declared them to be Castilian and laid them in turn at all sorts of crested doorways“.

В приведенном случае наглядно прослеживается более сложная реализация связей узуального окказионального референтов. Это и семантический признак одушевленности / неодушевленности (абстрактное понятие - конкретный человек), и причинно-следственная связь между ними. Стилистическая дистрибуция здесь осложняется приемами вклинивания и замены компонентов, которые влияют не на коннотативный, а на денотативно-сигнификативный аспект значения ФЕ и несут лишь уточняющую информацию. В целом же, стилистический эффект контекстно-

трансформируемой ФЕ обусловлен только приемом нарушения стилистической дистрибуции.

В вышеуказанном направлении исследуют прагмастилистику по результативности для всех этих исследований показательна известная фрагментарность и непоследовательность.

Наиболее же последовательно разработаны, к примеру, следующие прагмастилистические эффекты трансформационного обыгрывания ФЕ в контексте:

1) Стилистико-семантический сдвиг в исходном прагматическом потенциале ФЕ. Ср. подобное использование ФЕ «(as) gentle as a dove “= “From Shak; Mids.” “Soc. may roar, but in England, at any rate, it roars as gentle as any sucking- dove” [38, с.104.]

Обычно используемая здесь ФЕ характеризует человека и отнесение ее в приведенном контексте к философскому понятию неожиданно для читателя. Связи между референтами построены в рассматриваемом фрагменте на принципе аналогии, т. е. более высокой степени обобщения и абстракции, что требует от читателя большей фантазии и более интенсивной работы ума (чем связи референтов по смежности). Это, естественно, вызывает большую эффективность реализуемого в контексте приема актуализации ФЕ. Стилистико-семантический прием оксюморон "roars as gentle as any sucking- dove" ("roar to utter a loud, deep, rumbling sound, as a lion") [40, с. 324] явно усиливает произведенное впечатление и, безусловно, создает запоминающийся образ.

2) Переадресовка в контексте исходной референтной отнесенности ФЕ. Ср., например, обыгравшие ФЕ "one's (or the) last card" (= "use the sole means or argument, the last chance, left to one") [82, p. 459]: "Then the mustang plays his last card. He jams his ribs up, agin a corral wall, hopin' to crush Tom's leg..." [38, с.346].

При текстовом и словарном сопоставлении стилистической коннотации выделяется прием олицетворения, который лежит в основе окказионального

преобразования и ФЕ “(play) Box and Cox” (=“two people who) keep failing to meet to be in one place at the same time: alternate in one’s use of a house, room, etc. or in providing a service etc.” [43, с. 75] в следующем контексте: “Spring has been playing Box and Cox with winter for months past. The winter aconites have mixed up with the snowdrops and the crocuses and look like being overtaken by the daffodils” [42, с.75].

Прием олицетворения в приведенном контексте объясняется таким образом: времена года, связанные временной зависимостью, уподобляются здесь людям, никогда не бывающим вместе в одно и то же время. Иначе говоря, фактор времени послужил основной необычной референции ФЕ.

Что касается проспективного контекста (по отношению к обыгрываемой ФЕ), то в нем прослеживаются связи, которые конкретизируют образ, расшифровывая заложенную в предыдущем предложении информацию. При этом небезынтересно будет указать в такой прагмастилистической ситуации реализации фразеологии и на следующий момент: благодаря необычной референции, нейтральная ФЕ приобретает положительную эмотивную окрашенность и иррадирует ее на контекст актуализации. При этом роль сверхфразового контекста не ограничивается конкретизирующей функцией. Контекст, вместе со стилистическим приемом, призван создать художественный образ, оказывающий положительное эмоциональное воздействие на читателя.

Прагмастилистические исследования рассматриваемого направления достаточно единодушно показывают, что сила эмоционального воздействия приема нарушения стилистической дистрибуции значительным образом определяется интеграцией всех элементов лингвистического контекста с окказионально преобразованной ФЕ. Иначе говоря, собственно стилистический прием неотделим от своего достаточно типичного контекста реализации, ибо в создании стиля немаркированные языковые элементы (микрконтекст) принимает такое же участие, как и маркированные элементы (общий стилистический прием).

В прагмастилистике фразеологии современного английского языка можно отметить еще и такое регулярно реализуемое явление, как разного рода нарушения в сочетаемости ФЕ.

Так, употребление ФЕ “to put one's back into something”(=’work hard at it, devote all one’s energy to it” [40, с. 25] демонстрирует явно нарушение объектной сочетаемости (что наглядно прослеживается на фоне узуальной реализации этой ФЕ) в нижеследующем текстовом фрагменте: “When instead of putting your back into your work, you put the horse’s or ox’s back into it and later on set steam and explosive spirits and electricity to do the work of the strained backs, a state of things is reached in which it becomes possible for people to have less work than is good for them instead of more” [42, с. 293].

Здесь налицо нарушение объектной сочетаемости актуализируемой ФЕ, что осуществляется на фоне ее обычного узуального использования. При этом перспективные связи воспроизводят в значении ФЕ сему «тяжесть выполняемой работы (= «to do tire work of the strained backs»). К тому же у приема нарушения стилистической дистрибуции отмечается еще и осложнение в виде подключения приема двойной актуализации ФЕ. В итоге, оживляется внутренняя форма у данной ФЕ и создается весьма характерная игра слов. Отсюда возникает эффект исключительно тонкой иронии.

Итак, теория прагмастилистики фразеологии современного английского языка складывается на основе анализа самых различных приемов обыгрывания ФЕ всевозможных семантико- структурных разрядов. При этом обращается внимание на стилистические сдвиги и характер образной переориентировки актуализируемой ФЕ под влиянием контекстного окружения, Однако достаточного единства в систематизации фразеопрагмастилистики еще нет.

Прагматическая оценка может быть весьма разной при окказионально – трансформационной изменчивости соответствующей фразеоформы.

Так, не любая компонентная замена в ФЕ будет в обязательности означать ту или иную реализацию прагматики. Например, замена компонента

фразеоформы на его идеографический синоним не является прагматически значимой. Ср., например, подобную замену компонентов «little finger» и «separate» словами- заместителями «thumb» и «sift» в ФЕ «twist a person round one's little finger»- «have him entirely subservient to one's will; separate the grain from the chaff- distinguish the genuine or good from the false or worthless»: «The men you like are the ones you can twist around your thumb» [40,с.328]. «They talk a lot of tosh, you know, mother;" you'll have to sift the grain from the chaffy). [47, с.216].

Окказиональным прагматическим зарядом обладают те преобразования ФЕ, в которых изменения плана выражения вызывают изменения в сигнификативно-денотативном аспекте семантики ФЕ. Именно это и является прагматически значимым аспектом преобразования.

Изменения в предметном содержании ориентированы в двух направлениях: 1) в приспособлении преобразованной ФЕ к данному контексту и достижении максимальной спаянности ФЕ и контекста, 2) в детализации описания референта.

Что касается выделения с необходимой степенью точности отдельных подробностей и деталей в описываемой ситуации, то это происходит в силу прагматических установок говорящего.

Образцом преобразований подобного типа являются замены компонентов «wrong» и «feeds one» словами- компонентами «unpopular» «passes the ammunition» в ФЕ «on the wrong side of the tracks»- «in socially inferior part of the town; bite the hand that feeds one- injure a benefactor»:

«In the United States today people lose their jobs not only because they are economically unsatisfactory or unnecessary, but also because they hold unpopular ideas, espouse unpopular causes, or associate with those who are on the unpopular side of the tracks» [40, с.390].

«Ministers and officials in Saigon are more restrained about biting the hand that passes the ammunition» [38, с.96].

Итак, в зависимости от характера замен компонентов преобразованные ФЕ получают различный прагматический заряд и, выступая структурными элементами прагматически ориентированных текстов, вносят в них различный вклад.

Вместе с тем подобная оценка прагматичности вариантно трансформируемых ФЕ имеет весьма относительный характер, ибо ориентируется на абстрактную прагматическую установку- воздействовать на адресата. Такая интерпретация опирается на первичную социальную ситуацию, основными участниками которой являются автор (=отправитель, адресант) и читатель (=рецептор, адресат). Участниками же вторичных (отраженных) ситуаций являются персонажи художественных произведений.

Анализ вторичных ситуаций (с точки зрения прагматической ориентированности замен) представляет большой интерес, ибо позволяет рассматривать замены в конкретных ситуациях общения.

Во вторичных ситуациях объектом исследования являются преобразованные ФЕ, которые употребляются в диалогической (полилогической) речи персонажей. При этом, как правило, делается допущение, что диалоги, конструируемые авторами художественных произведений, являются отражением реальных ситуаций общения.

Референты всех слов и словосочетаний в контекстуальном окружении ФЕ способствуют актуализации лексических значений фразеоформ. Иначе говоря, смысл ФЕ включается в семантические отношения, которые формируют соответствующий текст.

Прежде чем проиллюстрировать сказанное образцами прозаического контекста заметим, что статус фразеологической номинации сводится к общей информации о 1) положении об аналитическом (преимущественно свойственном предикатам) и синтетическом (преимущественно свойственным именам) характере номинации, 2) положении о совмещенном, двуплановом характере номинации, отличающем большинство ФЕ, и 3) положении о взаимосвязи коммуникативной, прагматической и собственно

номинативной функций в акте наименования. Их лингвогносеологическая область охватывает разные стороны языковой деятельности, давая общее представление о функциональной целостности языка [9, с. 112].

Обратимся к ряду примеров употребления ФЕ.

(1) The pastoral poems sometimes show that contention for trifles can gut but a trifling victory; where perchance a man may see that even Alexander and Darius, when they strove who should be cock of their world's dunghill the benefit they got was that the after livers say; Haec memini et victim frustra contender. Exlibblo Corydon, Corydon est tempore nobis [46, с. 18].

(2) Every attempt at preordaining a new material world only add another last straw to the load that already has broken so many backs. If we are to keep our backs unbroken, we must deposit all property on the ground and learn to walk without it. We must stand aside. And when many men stand aside, they stand in a new world; a new world of man has come to pass [46, с.31].

(3) Industry is a means and not an end; and mankind work only to get something which they want. What that something depends partly on their innate, and partly on their acquired, desires [14, p.25].

Указанные примеры не соотносимы по хронологической и коммуникативно-прагматической общности:

(1) демонстрируется употребление ФЕ «cock on his own dunghill» («царь и бог у себядома») в тексте литературоведческого очерка;

2) ФЕ «the last straw» («последняя капля», «предел терпения») и «break somebody's back» («сломать кому-либо спину») – в тексте критического эссе [8, с. 116].

(3) ФЕ «means to an end» («средство достижения цели») - в тексте частного письма [4, с. 256].

Несмотря на очевидные различия в выше указанном плане, данные примеры всё же схожи по некоторым признакам:

1) все ФЕ в них подвергнуты окказиональным преобразованиям,

2) окказиональные преобразования ФЕ осуществлены на основе одного и того же структурно семантического механизма, а именно механизма реактуализации словных признаков отдельных компонентов ФЕ.

В итоге, образуются единицы окказиональной сложной номинации в сочетании с отрезками фразеологического контекста.

Так, в примере (1) денотативное значение компонента «соск» восходит к понятию «царь, владыка», т.е. это и есть структурно-семантическое вычленение соответствующего смысла из значения ФЕ «cock on his own dunghill». Одновременно денотат компонента «dunghill» образует сложную ономасиологическую единицу в сочетании с атрибутивом «this world's». Сложность номинации в данном случае предопределена не только многопризнаковым характером наименования.

Кроме того, в анализируемом примере (1) отсутствует изоморфизм между смыслом словосочетания и его синтаксической структурой: определение и определяемое как бы меняются местами в ономасиологической структуре (мир, за овладение которым боролись Александр Македонский и Дарий, уподобляется навозной куче). Этот смысл подкрепляется и широким контекстом употреблённой ФЕ. Сюда относятся структура смысловых связей ФЕ и её компонентов с речевыми единицами, находящимися за пределами связей, обусловленных семантико-синтаксической валентностью ФЕ.

Пример (1) - наглядная иллюстрация специфики фразеологической номинации: 1) он подкрепляет хорошо известное положение о словном характере компонентов ФЕ и 2) свидетельствует о цельности фразеологической номинации, обуславливающей структурно-семантический инвариант ФЕ.

Именно цельность номинации ФЕ «cock on his own dunghill» является причиной перераспределения смысловых связей в окказиональном сочетании «осколка» ФЕ «this world's dunghill»/ В примере (2) ФЕ «the last straw» и «break somebody's back» как бы вплетаются писателем в аллегорический

контекст. В качестве денотативного ядра всего же высказывания здесь выступает означаемое слово «load» (точнее - «the load», ибо определённый артикль соотносит это слово по смысловой связи с широким контекстом). Как смысловой центр контекста, слово «the load» способствует актуализации лексических значений компонентов ФЕ «break somebody's back». Использование последней в окказиональной отрицательной форме - «to keep our backs unbroken» - оживляет исходные словные возможности глагольного компонента ФЕ.

Соответственно и в примере (3) (через окказиональное отрицание) актуализируется компонент «end».

Из сказанного очевидно, что основными процессами, действующими в языке в ходе его развития, являются эволюция плана содержания и инволюция плана выражения, находящиеся в диалектических связях. Если эволюция отражается в стремлении к количественному росту информации, которую способна нести определённая языковая единица, инволюция усматривается в стремлении языковой единицы к «динамическому равновесию». В языке нет единиц, вариативность формы которых открыта и не имеет пределов. Как правило, набор вариантов подчинён.

С другой стороны, нельзя категорически утверждать, что разного рода окказиональные трансформации являются исключительным средством актуализации прагмастилистических возможностей фразеологии в контексте.

Выводы по 3 – ей главе

Анализ текстов художественной прозы предполагает рассмотрение семантического развёртывания английских ФЕ в плане решения, по крайней мере, двух основных задач. Во-первых, необходима точная идентификация ФЕ, их места и семантических особенностей, а также той роли, которую они выполняют в формировании смысловой цельности высказывания. Во-вторых, важно на основе решения предыдущих задач умение строить собственный текст, используя при этом образные языковые средства.

Кроме того, очень важной представляется возможность соединения семантического развёртывания ФЕ с построением собственного текста на английском языке как двух самостоятельных лингвометодических проблем. Эти задачи могут показываться разрозненными, не связанными друг с другом. Построение текста может, помимо этого, основываться и на других языковых фонах. Вопросы сочетаемости и стиля, выбора синтаксических конструкций, тематических отношений связанных друг с другом (когезия текста) и относительно самостоятельных текстовых отрывков (структурно-семантические единства) - это далеко не полный перечень моментов, которые необходимо принять во внимание в процессе создания нового или воспроизведения готового языкового материала.

Непринуждённость в воспроизведении и создании текстов основывается, по-видимому, на следующих условиях:

- значение и умение пользоваться лексикой и основами грамматики с акцентом на синтаксические отношения элементов высказывания, а именно на сочетаемостные особенности языковых единиц.

- наиболее полное представление о внеязыковой (и языковой) ситуации, подлежащей описанию;

- соединение мыслительных усилий с усилиями речемыслительными, т. е. в частности умение в процессе речи подчинить второстепенное главному, отграничить важные на данный момент физические и другие особенности описываемых событий, объектов и явлений от остальных, не менее важных по сути, но нерелевантных для анализируемой ситуации, синтезировать ассоциации как ингредиенты речемыслительного акта с логической стороной мыслительных процессов.

Последнее условие может во многом быть основано на процессе разной полноты семантического развёртывания аспектов и элементов значения образных языковых оборотов, за которыми могут реализовываться не только признаки и характерные особенности описываемых объектов и явлений, но и может быть подготовлена благоприятная почва для создания таких отрезков

текста, где есть повтор и синонимия, контраст, эллиптические и инвертированные конструкции. Всё это в целом благоприятствует определённым условиям для предельно полного и, так сказать, “предвзятого” описания, предполагающего соответствующее отношение к конкретной неязыковой ситуации.

Использование лексических средств, уточняющих, конкретизирующих и дополняющих семантику ФЕ в различных типах фразеологического контекста, совершенствует, таким образом, навыки и умение приводить ряд доводов и логически последовательно их аргументировать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из наиболее сложных проблем, связанных с вопросом корреляции элементов языка по их стилистико – коннотативной реализации в речи, является соотнесённость УСК ФЕ со словом.

Идея семантической корреляции заключается в следующем. Любая языковая единица, функционирующая в речи, находится в семантическом взаимодействии с другими элементами языка. В процессе создания речевой информации (коммуникативного акта) элементы разных систем и подсистем языка дополняют значение друг друга, создавая тем самым цельность высказывания. К примеру такие языковые явления, как повтор и синонимия основаны на конкретизации высказываемой мысли средствами слов, словосочетаний и предложений. То же касается и ФЕ. Ввиду сложности их семантической структуры, возникает необходимость в контактном или дистантном повторе информации, которая закладывается в УСК. В этом заключается развитие темы, смыслового наполнения, которое несет в себе всё высказывание.

Применительно к механизму семантической актуализации ФЕ, корреляцию ФЕ следует рассматривать как семантический фактор, оказывающий воздействие на полноту развёртывания аспектов значения ФЕ. Это предполагает прежде всего проведение семантической типологии коррелятов ФЕ в их лексическом окружении с тем, чтобы выявить роль каждого типа корреляции в актуализации семантики ФЕ/УСК.

Связи, объединяющие УСК = ФЕ и коррелирующие с ними элементы, не являются отношениями одно порядковых единиц. Например, синонимические отношения ФЕ не равнозначны синонимическим отношениям элементов лексической системы языка: ср. ФЕ “(as) quick as a lightning”- лексические единицы “very quickly”, “quickly” - “fast”, “rapidly” и т.д., хотя семантика фразеологических и лексических единиц - это установленная практикой языка возможность тождественной интерпретации

аспектов значения: единства их денотативно-сигнификативного и коннотативного аспектов, а также внутренней формы.

ФЕ и элементы их лексического окружения в большинстве случаев имеют один референт и находятся в отношениях со обозначения. Сказанное больше применимо к узуальному использованию ФЕ. Контекстуальное содержание фразеологических и лексических единиц является средством, которое координирует смысловое содержание высказывания.

Референтная соотнесённость ФЕ представляет собой своеобразность ФЕ соотноситься с конкретными предметами действительности, признаками и свойствами. Системные средства актуализации семантики ФЕ формируются определённым воздействием референции ФЕ. Коррелятивные отношения - это системная связь единиц, непосредственно или опосредованно соотносящихся со значением ФЕ и разворачивающих её семантическое наполнение. Элементы таких отношений - корреляты ФЕ, не только специализируют значение ФЕ, уточняют и дополняют их смысл, но и создают системные условия для наиболее яркого и полного раскрытия отдельных или всех аспектов значения.

Рассмотрение коррелятивных отношений можно проводить в двух направлениях. Во-первых, выявить системные отношения между коррелятами ФЕ и актуализируемыми ФЕ. Во-вторых, выявить системные связи среди элементов лексического окружения ФЕ. Характер данных связей не предполагает жёсткой зависимости одних отношений от других, т.е. определённый вид системной связи ФЕ и её коррелятов не всегда совпадает с соотношениями самих элементов лексического окружения ФЕ.

Реализация стилистико – коннотативных отношений зависит от социальных факторов и конкретных условий ситуации общения. Отсюда очевидно, что рассмотрение речи как действия (т. е. в реальных условиях коммуникации) требует учета параметров коммуникативной ситуации, к которым обычно относятся: коммуникативное задание (информативная и прагматическая цели), тема коммуникации, коммуниканты (их социальные

отношения и индивидуально- психологическая характеристика), обстановка общения.

Актуализация семантики ФЕ связывается с контекстным взаимодействием ФЕ и элементов их лексического окружения, соотносимых с ними по семантике так называемых коррелятов ФЕ.

Лексические корреляты ФЕ надлежит рассматривать с точки зрения их позиционных (формальных) и семантических характеристик, которые могут оказывать разное по принципу воздействие на степень полноты развертывания значения ФЕ (УСК).

Фразеопотребления, отражающие образцы контекстной актуализации значения УСК=ФЕ, подлежат анализу прежде всего с обязательным учетом: 1) позиций ФЕ в контексте- начальной, срединной и конечной; 2) типа фразеологического контекста- от внутри фразеологического (в пределах реализующейся фразеоформы) до фразового и сверхфразового контекстов; 3) соотношенности ФЕ и лексических единиц по семантике; 4) отношения ФЕ к границе тематического (семантического) блока текста.

Причем определяющим в процессе актуализации семантики ФЕ (т. е. в процессе развертывания фразеозначения в контексте реализации) является соотношенность ФЕ с ее лексическими коррелятами по выражаемой семантике.

С точки зрения прагматики (т. е. воздействия ФЕ как языкового знака) ФЕ могут быть использованы для создания: 1) наглядно- образного представления; 2) логико-ассоциативных параллелей; 3) наборов средств придания высказыванию определенной модальности и т. д.

Поскольку процесс коммуникации рассматривается как социальная интеракция посредством языковых форм и выражений, постольку подлинная коммуникация не может иметь место без знания коммуникантами социальной значимости языковых единиц (ФЕ и др.).

Социальный и эмотивный регистр функционирования ФЕ, который предписывается языковым статусом, составляет содержание особого

прагматического признака семантики ФЕ. Маркерами основных социально-эмотивных регистров коммуникации является существующая в некоторых словарях система специальных помет. К ним относятся пометы типа «fml», “not fml.” и “шйп1.”, которые обозначают соответственно официальный, полуофициальный и неофициальный уровни общения.

В пределах трех основных социально-эмотивных регистров ФЕ существуют определенные градации. Так, неофициальный уровень общения включает различные ступени или подуровни-непринужденный, дружественный, фамильярный, фамильярно-грубый и др.

В свою очередь, официальный уровень коммуникации распадается на официально-напыщенный, официально-приподнятый, официально-деловой и т. п.

В целом, различные ступени или градации основных уровней коммуникации могут толковаться как социально-эмотивные регистры: они не только представляют социальную ситуацию (в самом общем виде), но и отражают эмотивный характер коммуникации, а также вид социального взаимодействия или противодействия.

Прагматический аспект исследования фразеологии предполагает более детальное изучение специфики отношений между использующими знаки в преломлении к конкретной коммуникативной ситуации.

Достаточно большое значение в выборе и организации языковых средств имеют ролевые отношения коммуникантов, их позиции в общей организации высказывания и его прагматического оформления. При этом следует учитывать, что некоторые ФЕ- по данным кодификации словарей- достаточно стабильно соотносятся с каким-либо одним конкретным типом социальной ситуации. Объяснение этому находится в сфере самого узуса, его регулирующих закономерностей, сложившейся традиции употребления ФЕ, либо в единичности референции. Ср.: “to be tied to one’s mother’s / wife’s apron strings” описывает отношения лишь между мужем и женой или между матерью и сыном.

Устойчивое отражение словарями социальных регистров преимущественного употребления той или иной ФЕ не снимает проблемы выбора единицы в рамках отдельного речевого акта. Исключительно важное значение поэтому приобретает выявление особенностей функционирования ФЕ в зависимости от экстралингвистической ситуации с учётом цели коммуникации. Отсюда здесь чрезвычайно широк диапазон исследований - от изучения условий, при которых происходит использование ФЕ отправителем / получателем информации, - до установления наиболее типичных коммуникативных ситуаций употребления УСК = ФЕ.

Список использованной литературы

1. Теория.

1. Алёхина А. И. Исследование системной организации фразеологии современного английского языка (Проблема фразеологических отношений и фразеологических структур): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. - Л.: ЛГУ, 1986.-37 с.
2. Алёхина А. И. Идиоматика современного английского языка. Минск: Высшая школа, 1992. - 279 с.
3. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. - Л.: ЛГУ, 1963. - 208 с.
4. Анипкина Л.Н. Оценочные высказывания в прагматическом аспекте // Филологические науки. - М., 2000. — №2. - С. 58-65 Стилистика современного английского языка.
5. Арнольд И. В (Стилистика декодирования) 3-е изд. - М.: Просвещение, 2012. - 301 с.
6. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. - СПб.: Изд- во С.Петербург, ун-та, 2014. - 444 с.
7. Батырова Г.З. Функционально-семантический аспект окказиональных преобразований английских и русских глагольных фразеологизмов // Теория поля в современном языкознании. - Уфа: БГУ, 2009 С. 171- 181.
8. Башиева С.К. Стилистический компонент фразеологического значения: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Краснодар: ЮГУ, 1995.-23 с.
9. Г Белоусова А. С. К построению лексико-семантической классификации слов в связи с задачами толковой лексикографии (имена лиц) // Словарные категории. М, 2008. - С. 92-96
10. Блумфилд Л. Язык. - М: Прогресс, 2008 - 608 с.
11. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. -М: ВШ, 1983.-267 с.

12. Бушуй Т.А. К методике организации фразеологической работы в системно-уровнем плане // Актуальные вопросы в области гуманитарных и социально-экономических наук. - Вып. 4. – Ташкент, 2012. – С.45-49.
13. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. - М: ВШ, 2011 - 332 с.
14. Данилова И. Б. К вопросу о понятии инверсии в современном английском языке // Учёные записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 154, 1988.- С. 103-116
15. Добрушина Н. Р. Исследования средств выражения обратной связи в американской лингвистике // Вопросы языкознания – М., 20030. - С. 135-140.
16. Колпакова Н. П. Инверсия в современном английском языке У/ Учёные записки ЛГПИ, т. 57. - Л., 1988. - С. 39-59.
17. Коралова А.Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.- М.: МГПИИЯ, 1995. - 29 с.
18. Кузьмин С. С. Оценочность в английской фразеологии и контекст. Автореф. дисс... канд. филол. наук. - М: МГПИИЯ, 1999 - 19 с.
19. Кулакова Б. П. О коммуникативном статусе фразеологических единиц. // Труды / МГПИИЯ. Вып. 287. М, 1987. - 146 с.
20. Кумахова З. М. Конверсивные отношения в английской фразеологии. Автореф. дисс... канд. филол. наук. - М, МГПИИЯ, 1987. - 24 с.
21. Кумахова З. М. Фразеологические конверсии в прагматическом аспекте // Сборник научных трудов [МГПИИЯ] - Вып. 336. Английская фразеология в функциональном аспекте. М, 1989. - С. 78- 85
22. Кунин А. В. Принципы подачи устойчивых сочетаний в английских и американских справочных изданиях // Иностранные языки в школе. М, 19д1 -№2. С. 104-111.
23. Кунин А. В. Английская фразеология. М: ВШ, 2005 - 344 с.

24. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М: МО, 288 с.
25. Розина Р.И. Новое в теории и практике англоязычной лексикографии // Современной лексикографии. М, 1988. – С. 252 – 272.
26. Ступин Л.П. Лексикография английского языка. – М: ВШ, 2005. – 168 с.
27. Цоллер В.Н. Эмоционально – оценочная энантиосемия фразеологизмов // Филологические науки. – М., 2000. - №4 – С. 56 – 64.
28. Abercrombie D. The indication of Pronunciation in Reference books // In honor of A.S. Hornby. – Oxford, 2008. – P. 119 – 196.
29. Bates E. Language and Context: the Acquisition of Pragmatics. – New York: Academic Press, 2006. – P. 17-18.
30. Backman G. Meaning by Metaphor: An Exploration of Metaphor with a Metaphoric Reading of Two Short Stories by Steven Crane. – Uppsals: Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Anglistica Upsaliensia, 2011. – 203 p.
31. Dijk T.A. Pragmatic motivation of syntactic rules. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 364 p.
32. Eggins S. An Introduction to Systemic Functional Linguistics. – London: Printer for Publishers, 2004. – 490 p.
33. Oh C.k., Dinner D.A. Spoken English. – London: Longmann, 2005. – 499 p.
34. Vallins G.H. The Making and the Meaning of Words // Conversational English by W. J. Ba;;. – London, 2012. – P. 162 – 190.
35. Wiegand E. Contrastive Lexical Semantics. – Amsterdam: Benjamins, 2008. – IX, 270 p.

2. СЛОВАРИ.

36. Brewer's Dictionary of Phrase and Fable.- London, 2003. – 953 p.
37. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms. – Tokyo: Kenkyusha, 1969. (KD). – 867 p.

38. The new American Roget's college thesaurus in dictionary form. Revised ed. By P.D. Morehead. – N.Y, 2005. – 141 p.

39. The Pan English Dictionary. London and Sydney: Pan Books, 2010. – 1328 p. 164.

40. The Random House College Dictionary – N.Y, 2013. – 1568 p.

41. 39. The reader's Digest great encyclopedic dictionary. In 3 volumes. – 3 vol. – The reader's digest association. – London, 2011. – 300 p.

42. Longman Dictionary of English Idioms. London: Longman Group Ltd., 2009 (L). – 588 p.

43. Webster's New International Dictionary of the English Language. – 11 ed. – unabridged. – G. and C. Merriam com. Publishers. – Springfield Mass., USA, 2008. – 3194 p.

44. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. -4th edition. A.S. Hornby, Chief Editor: A. P. Cowie Oxford University Press (1989) – 1579 p. (Published with corrections in 1993).

45. Англо-русский словарь (АРС). Под общим рук. В.К.Мюллер. – М., 1990. – 842 с.

46. Англо-Русский Фразеологический Словарь (АРФС). – Москва, 2006. – 947 с.

47. Большой англо-русский словарь (БАРС). Под общим рук. И.Р.Гальперина. – М., 2012. – 1 – 822 с.; 2 – 863 с.

48. Русско-Английский словарь (РАС). – М., 1992. – 782 с.

3.Список художественной литература.

49. Christie A. Ten Little Nigers. – London: Penguin Books, 1959. – 340 p.

50. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. – London: Triad Panther Books, 1985. – 320 p.

51. Gardner St. The Case of the Eaten Mink. – London; Pernguin, 1985. – 186 p.

52. Huxley L. Hexley's Life and Letters. – New York: Appleton, 1901. – 539 p.